

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Максим
МАКАРЫЧЕВ

**Фидель
КАСТРО**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Жизнь замечательных людей

Максим Макарычев

Фидель Кастро

«Автор»

Макарычев М. А.

Фидель Кастро / М. А. Макарычев — «Автор», — (Жизнь замечательных людей)

Имя легендарного кубинского лидера Фиделя Кастро известно всему миру. История отважного бунтаря, ставшего партизанским команданте, а потом вождем революционной Кубы, смело бросившей вызов политической и военной мощи США, опыт строительства новой жизни на Острове свободы вызывают огромный интерес во многих странах уже на протяжении нескольких десятилетий. В своей книге журналист–международник М. А. Макарычев попытался исследовать феномен этой незаурядной личности и найти ответы на вопросы: как Фиделю с горсткой соратников удалось совершить революцию? Что помогло ему оставаться у власти почти полвека, несмотря на кризисы, заговоры и постоянную угрозу для жизни? Какой будет Куба в XXI столетии?

© Макарычев М. А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Максим Александрович Макарычев

Фидель Кастро

Пролог

Автор книги выражает глубокую признательность Н. С. Леонову, оказавшему неоценимую консультационную помощь в работе над книгой и рассказавшему об этапах революционной и политической жизни Фиделя Кастро, заместителю министра иностранных дел России А. В. Яковенко, руководству Историко-документального департамента, сотрудникам архива МИД России за содействие в работе над архивными материалами советской дипломатии, пресс-бюро СВР России и лично его руководителю С. Н. Иванову за предоставленную возможность работать с уникальными документами советской разведки 1950—1960-х годов, руководству и сотрудникам «Российской газеты» за содействие.

Также искренне благодарен моим добрым друзьям и знакомым: Дмитрию, Михаилу, Марату, Вячеславу, Александру, которые бескорыстно помогли мне в поиске и переводе материалов о неизвестных ранее в России подробностях жизни Фиделя Кастро.

Фидель Кастро, просто Фидель, так его со времен кубинской революции называют даже враги, стал легендой, будучи еще совсем молодым человеком. Программную речь своей жизни «История меня оправдает», сделавшую его знаменитым на весь мир, он произнес на суде, когда ему было всего 27 лет. С той поры ни один политик в мире не вызывает такой ненависти у своих противников и не удостоивается таких оваций у тех, кто его искренне уважает.

Кастро – глыба, целая планета. Его можно пылко любить и яро ненавидеть, но величие и уникальность кубинского лидера признают все.

Генерал-лейтенант государственной безопасности в отставке Николай Сергеевич Леонов, автор первой в России политической биографии Фиделя Кастро, был первым русским, познакомившимся в далекие 1950-е годы сначала с его братом Раулем, а затем с Фиделем. Он стал первым личным русским переводчиком команданте эн хэфэ – главнокомандующего – во время визита Анастаса Микояна на Кубу в 1960 году. Николай Леонов знает о Фиделе больше, чем кто-либо в России. (Отрывки из бесед автора с Леоновым, неизвестные широкой публике подробности из жизни ко-манданте, рассказанные Николаем Леоновым и его соавтором Владимиром Бородаевым, использованы в этой книге.) Многолетнее знакомство с Фиделем, десятки встреч с ним, личная дружба с Раулем, безусловно, позволили Леонову составить довольно объективное мнение: «Мое самое главное впечатление от Кастро – он не такой, как все. Общаясь с ним, начинаешь верить в мифы о том, что раньше действительно рождались люди, наделенные чем-то божественным. Я далек от всякой мистики и суеверий, с Кастро, как говорится, мне не крестить детей, но у меня есть твердое убеждение в том, что Фидель, образно говоря, на несколько этажей превосходит среднего нормального человека. Прежде всего, с точки зрения морально-волевых качеств, интеллекта и конечно же с точки зрения внутренней энергии. У меня часто спрашивают – а что будет после Фиделя? Я отвечаю: „А что будет? Будет, как и прежде. Будут обычные земные люди со всеми нашими проблемами. Вот только такая личность действительно рождается раз в столетие“».

Режиссер Голливуда Оливер Стоун, чей фильм о Кастро «Команданте» было запрещено показывать в США, назвал его «одним из наиболее разумных людей на земле и одним из тех, с кем нам следует советоваться». А давний друг Кастро – лауреат Нобелевской премии по литературе, известный латиноамериканский писатель Габриель Гарсиа Маркес как-то сказал: «Фидель – это сила природы, и с ним никогда не знаешь, чего ждать». В Латинской Америке,

где необычайно высоко ценятся благородство и честь, Фиделя Кастро часто называют «последним рыцарем современности».

Кастро – настоящий мужчина, боец, воин, если подразумевать под этим сильного духом человека. В сентябре 2003 года в знак признания его «революционных заслуг и бойцовских качеств» североамериканские индейцы наградили Фиделя Кастро «Орлиным пером». Это – высшая награда коренных народов США. Она вручается людям, которые на протяжении всей своей жизни доказывали свою храбрость, достоинство и честность, и выглядит как большое орлиное перо на перевязи.

Случай этот уникален. Во–первых, Кастро стал первым политическим деятелем, которого наградили этим орденом. Во–вторых, североамериканские индейцы впервые поощрили человека, который родился за пределами США. Наконец, ни один из мировых лидеров и политиков не имеет в своей коллекции награды «Орлиное перо». «В наших жилах течет кровь воинов, так же как в жилах кубинцев течет кровь революционеров», – сказал один из вождей индейцев, вручая награду команданте.

Имя Фиделя Кастро, как и его боевого друга команданте Че Гевары, убитого в Боливии в октябре 1967 года, без сомнения, будет жить в веках и как магнит притягивать к себе все новых и новых почитателей, несмотря на небылицы и клевету, которые распространяют по миру враги кубинских революционеров, Че уже давно является главным символом левых и радикальных молодежных движений во всем мире.

Такие люди всегда будут близки тем, для кого любовь к родине и своему народу не пустые слова. Пока в мире будут униженные и оскорбленные, пока будет царить несправедливость, пока «избранные» (страны или люди) будут диктовать другим государствам и миллионам людей, навязывать свои «непогрешимые нормы», будет жить вера в кубинскую революционную сказку. Будет жива память о горстке бесстрашных молодых революционеров, которые, имея в начале своего пути всего семь винтовок (!), избавили свою страну от марионеточного, продажного режима. Как бы ни старались хулители по обе стороны Атлантического океана очернить деяние кубинских революционеров, мировому сообществу было ясно – кубинская революция свергла не демократию, она разрушила коррумпированный, диктаторский, марионеточный режим Фульхенсио Батисты.

Из уст в уста будет передаваться легенда о кубинских романтиках, которые главным своим достоянием считали не деньги и власть, а книги и знания. Они хотели избавить свой народ от нищеты, болезней и безграмотности. «Революция – это самый большой образ любви» – так Эрнесто Че Гевара выразил философию их борьбы.

Мы живем в непростое время, когда в мире царствует «золотой телец», когда искажена сама суть демократии, свободы, справедливости. Фидель Кастро остается и, убежден, останется кумиром для миллионов людей на планете, «последним из могикан» еще и потому, что во власти его интересует не сама власть, не меркантильная и материальная сторона, а благополучие народа, мораль и человек. Книги он считает самым ценным из всего достояния человечества. Именно книги были его самыми близкими «собеседниками» в одиночной камере тюрьмы, куда он попал после первой неудачной попытки свергнуть ненавистный режим Батисты – штурм казарм Монкада в Сантьяго–де–Куба.

Фидель Кастро, как и Махатма Ганди, – правитель–подвижник, опровергший, казалось, укоренившееся в сознании людей представление, что власть себялюбива и продажна. Правда, в отличие от Ганди, пацифиста, «непротивленца злу насилием», стихия Кастро – это революция. Он – воин и боец. Он благороден и немстителен, что доказывал неоднократно, еще в горах Сьерра–Маэстра, прощая своих лютых врагов.

В 2006 году американский журнал «Форбс» включил Кастро в число десяти самых богатых политиков мира. Фиделя потрясало и возмущало в жизни многое. Циничность и безжалостность врагов, предательство родных и близких, гибель друзей, страдания голодающих

кубинцев. С виду не склонный к сантиментам, Фидель научился не гневаться без повода, не обращать внимания на сплетни и клеветы. Но дезинформация журнала, приписавшего ему немыслимые банковские счета, привела его в неописуемую ярость. «Найдите на каких-либо счетах хоть один доллар, принадлежащий мне, и я уйду с поста президента Кубы, – заявил разгневанный Фидель, – подам в отставку после более 40 лет нахождения на посту главы государства. Тогда им не придется больше прибегать к попыткам моего отстранения от власти». Ответом авторитетного издания было молчание.

Не спорю, Фидель не идеален. Он раним и помнит нанесенные ему обиды. Переубедить его в чем-либо трудно. Соратники Кастро, которые переходили ему дорогу, оказались в забвении. Личность его крайне противоречива, но именно этим она еще больше притягивает к себе.

На Кубе многое не позволено. Например, жить в роскоши и быть, образно говоря, несогласным с «генеральной линией Фиделя»: он, поставив барьер для зажиточных людей, заставил свой народ жить «не в богатстве», а в аскетичности. На Кубе существует карточная система, жилищный фонд обветшал, инфраструктура стареет. Кастро уже не молод и не так активен, как раньше, редко прислушивается к чужому мнению. Количество желающих эмигрировать с острова растет. Фидель неоднократно заявлял несогласным с его политикой: «Хотите уехать – уезжайте!» Между тем американцы предоставляют потенциальным эмигрантам ничтожно малую визовую квоту – около 20 тысяч в год. Недовольные кубинцы нужны США там, на острове, как орудие антикастро-пропаганды.

Кастро сложен и многогранен. Но нельзя отрицать того, что кубинская революция – книга правдивая и открытая. Главный принцип Кастро и его товарищей – никогда не лгать. Ни себе, ни народу, ни друзьям, ни врагам. «Мы никогда не лжем; разумеется, мы не информируем противника о том, чего ему не следует знать, не информируем и все, но никогда не лжем, ни противнику, ни журналистам, никому. Это неизменный принцип», – говорил Фидель.

Многим известно выражение: «Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а ее плодами пользуются циники». Но у многих ли повернется язык сказать, что это выражение применимо к кубинской революции? Много ли найдется в мире правителей, которые живут чаяниями народа и не боятся выходить, как Фидель Кастро, в самую его гущу? Охрана Фиделя в тех редких случаях, когда ему удавалось перехитрить ее и незаметно покинуть свою резиденцию, всегда знала, что искать Кастро надо там, где скопилось больше всего людей. «Фидель обессмертил себя, по тому что стал частицей сердца каждого из нас. Он один из нас», – сказал мой знакомый кубинец.

Главными лозунгами кубинской революции стали: «Пат-риа о муэрте! – Родина или смерть!» и «Венсеремос! – Мы победим!» Кубинцы готовы «быть в бедности, но свободными». Отстоять свою революцию с оружием в руках, прекрасно осознавая, что «старые новые хозяева» Кубы, вот уже почти полвека безрезультатно пытающиеся сделать ее «свободной от Кастро» и любящие рассуждать о демократии, на самом деле преследуют меркантильные цели.

Российские лихие и смутные 1990-е годы дали звонкую пощечину идее социальной справедливости, показав, как под лозунгом «свободы и демократии» к власти приходят циничные дельцы. Среди хулителей Фиделя Кастро и его режима тоже большинство составляют те, кто, так или иначе, преследуют материальные выгоды и для кого слово «родина» – пустой звук. Кубинские эмигранты, живущие в Майами, в большинстве своем мечтают обрести потерянную в 1950-е годы собственность. Сделать «жемчужину Латинской Америки», как и при прежнем кубинском диктаторе Батисте, островом для «богатых избранных». Соединенные Штаты – Голиаф, у которого Давид – Фидель выиграл все сражения за последние 50 лет, мечтают вернуть утерянный лакомый кусочек, каковым была Куба до революции. С ее песчаными пляжами, тропическими лесами, отвесными скалами, с живописными долинами, поросшими пальмами и манговыми деревьями. Эта страна много лет была сырьевым придатком Соединенных Штатов.

Их борьба против Кастро, действительно напоминающая поединок Голиафа и Давида, похоже, стала для Вашингтона «делом принципа».

Между тем тех, кто любит и уважает Кастро, несоизмеримо больше, чем людей, его ненавидящих. Даже болезнь прибавила популярности Фиделю, кубинской революции. Весь мир оценил, как он мужественно и стойчески борется с недугом. Конечно, кое-кто злорадствует и ждет его смерти, но молча – понимая, что выступать оголтелым противником Кастро в нынешних условиях – неэтично. Извинился даже Джордж Буш, в своем стиле «ляпнувший», что «скоро Кастро заберет Бог».

Как бы то ни было, Кастро – феномен. Мало найдется в сегодняшнем мире государственных деятелей, которые обладали бы такой нестигаемой волей и такой мощной внутренней энергетикой, приводившей в смятение и друзей, и недругов. Одно то, что этот человек, живя полвека в состоянии вечного стресса, в ожидании покушения на его жизнь, умудряется спланировать нацию и противостоять огромной, ополчившейся на него империи, вызывает не просто большое уважение – преклонение.

Удел избранных – заставить жить воплощением своей юношеской мечты целую нацию. Мечтой молодого Фиделя было осушить «болото», в котором оказалась его родная страна. Вынужденная прислуживать развращенным нуворишам, продававшая тела своих дочерей, превратившая своих сограждан в людей второго сорта. Фидель своей цели добился.

2 января 1979 года, выступая перед делегатами Национальной ассамблеи, посвященной 20-й годовщине победы кубинской революции, Фидель Кастро сказал: «Кто может лишить нас той большой радости, которую вызывает в каждом из нас каждая новая школа, детский сад, поликлиника, больница, фабрика, плотина, кинотеатр, библиотека? Кто может запретить нам гордиться большим числом школьников и студентов в начальных и средних школах, в институтах и университетах, нашими успехами в образовании и культуре, здравоохранении, нашими спортивными победами, нашим обществом без дискриминации, безработицы, нищеты, наркомании? Кто может лишить нас радости каждой новой победы в экономике, быстрых темпов экономического развития, создаваемых нами условий для надежного будущего? Являясь единственными хозяевами наших богатств и природных ресурсов, мы можем сегодня организовывать, планировать и направлять социально-экономическое развитие в условиях полной свободы, чего не может позволить себе никакое государство в Западной полушарии».

Легенда о Фиделе Кастро живет отдельно от него самого уже полстолетия, обрстая подчас самыми невероятными небылицами. Эта книга о вожде революции – романтике, оставшемся верным своим идеалам. Разве случайно имя Фидель означает в переводе со староиспанского «верный»?

Глава первая

КУБА ДО РОЖДЕНИЯ ФИДЕЛЯ

Всем известно еще со школьной скамьи, как Колумб открыл Америку: отправился в Индию, а оказался на другом континенте. Но мало кто знает, что Колумб, память о котором чтят на Острове свободы, высадился не на территории нынешних Соединенных Штатов, а на Кубе, в провинции Ориенте – нынешней Ольгин, недалеко от родового имения Фиделя Кастро.

Произошло это 27 октября 1492 года. Как гласит легенда, увидев берег острова, Колумб воскликнул: «Это самая восхитительная земля, которую когда-либо видели глаза человеческие!» Великий путешественник принял Кубу за материк и упорно придерживался этого мнения до самой смерти, когда многим исследователям в Европе уже было ясно, что Куба – остров. Это установила экспедиция Себастьяна де Окампо в 1508 году. В России Куба стала известна уже в XVI веке; впервые в одном из своих произведений о ней упомянул просветитель и энциклопедист Максим Грек.

Колумб завещал похоронить его на земле, которую он открыл. Некоторое время могила великого путешественника, умершего в нищете, находилась в так называемой Старой Гаване. Испанцы сначала перевезли его прах на остров Эс-паньола (нынешний Санто-Доминго), затем перезахоронили в гаванском кафедральном соборе. Однако и там Колумбу не было суждено обрести вечный покой. В конце XIX века, во время американской интервенции на остров, испанцы снова потревожили его останки. На сей раз прах был перевезен в Испанию. А в гаванском соборе осталась памятная табличка о том, что в течение ста двух лет на этом месте находилась могила Колумба.

Увы, но путь в Новый Свет, проторенный романтиками–первооткрывателями, превратился в «ковровую дорогу» для полчищ охотников из Старого Света за богатствами. Одно из самых великих географических открытий в истории человечества привело к трагедии для Кубы¹. Нетронутый доселе цивилизацией уголок тропического рая, где проживали миролюбивые труженики–индейцы, на долгие годы превратился в самый прибыльный в мире рынок работорговли.

Колонизация Кубы началась в 1510 году – с высадки на острове отряда конкистадоров под командованием испанца Диего Веласкеса. Он и стал первым губернатором Кубы, в 1512 году основав поселение Баракоа.

Конкистадоры не нашли на Кубе таких природных богатств, как в Южной Америке. Местные индейцы, занимавшиеся охотой, рыболовством и земледелием, не смогли предложить им ни золота, ни алмазов, как их южноамериканские собратья.

Чужеземцев привлекла удобная гавань. Она была стремительно опоясана крепостями для отражения атак пиратов, которыми буквально кишело Карибское море. Не зря говорят, что если многие латиноамериканские города строились как посредники, то «Гавана строилась как воин». Как и большинство других городов, основанных колонизаторами в Латинской Америке, Гавана имела прямоугольную планировку. Что, впрочем, не помешало ей со временем превратиться в настоящую «жемчужину Латинской Америки». (В 1982 году ЮНЕСКО объявило Старую Гавану достоянием человечества.) Она стала административным центром испанской колонии на Кубе. Ее статус как столицы кубинского государства будет узаконен лишь в 1902 году.

---

¹ Остров Куба, площадью 105 тысяч квадратных километров, является самой большой частью Кубинского архипелага, который также включает остров Хувентуд и около 1 600 небольших островов. Архипелаг примыкает к тропику Рака – границе субтропической зоны планеты. На территории Кубы могли бы разместиться девять таких островов, как Ямайка, и 12, как Пуэрто-Рико.

Транзитный город–порт Гавана для караванов испанских кораблей был отправной точкой из Америки в Европу. Путь этот был нелегким. Пиратов и корсаров в Карибском море было так много, что в 1561 году испанский король Филипп II издал указ о том, чтобы суда, курсирующие между испанскими владениями в Америке и Испанией, ходили только караванами в сопровождении конвоя, а Гавана была местом сбора этих флотилий.

Конкистадоры вывозили из Западного полушария в Старый Свет сокровища умершей цивилизации ацтеков, драгоценные камни, золото и алмазы. Несколько десятилетий будущую кубинскую столицу называли «городом в пустой стране». Полномасштабное освоение Кубы в планы колонизаторов не входило. Со временем там появилось семь городов–портов, основанных испанцами. Самая известная из сохранившихся с тех времен крепостей носит название Ла Фуэрса. Здесь находится символ Гаваны – флюгер, сделанный в виде фигурки женщины. История донесла до нас ее имя: Исабель Бобадилья де Сото, жена губернатора Гаваны. Однажды де Сото отправился завоевывать новые земли во Флориде и оставил на попечение супруги «город в пустой стране». Четыре года Исабель в ожидании мужа правила колонией «железной рукой». А когда с другого берега Карибского моря пришло известие о его смерти, сердце ее не выдержало. В память о Исабель де Сото, строгой, но справедливой правительнице, благодарные гаванцы отлили ее фигурку в виде флюгера и водрузили на вершину крепости Ла Фуэрса. В наши дни ценители кубинского рома «Гавана клуб» могут увидеть изображение этой фигурки на этикетке и пробке бутылки, его содержащей.

Когда завоеватели поняли, что на Кубе им не найти сокровищ, их интерес переключился на местных аборигенов – племена таино и сибонов. Таино занимались преимущественно сельским хозяйством, а сибоны были охотниками. Бытует мнение, что именно от таино, говоривших на одном из аравакских языков, происходит слово «Куба», которое означает «земля».

Индейцы радушно встретили испанские каравеллы. Они приняли белых пришельцев за богов. Но вскоре началось насильственное обращение индейцев в христианство, переросшее в резню. Всем известно, кто одержал победу в битве стрел и пороха. За век, прошедший с момента первой высадки конкистадоров на Кубе, было уничтожено почти 95 процентов аборигенов! Поэтому национальный герой Кубы Хосе Марти назвал свою многострадальную родину «надгробием погибшей индейской цивилизации».

Отказывавшихся идти в рабство и принимать христианство аборигенов живо сжигали на костре. Тех, кто уцелел, заковывали в цепи. В первой половине XVII века на острове осталось не более шести тысяч индейцев. Пришельцы из Старого Света, обосновавшиеся на Кубе, процветали, главным образом, за счет торговли с другими колониями и даже с пиратами. К тому же в XVI веке на острове было найдено золото, но оно закончилось к началу века XVII.

Затем основой экономики Кубы стало скотоводство. Попутно испанцы отбивали атаки англичан и французов, опоздавших к «дележу острова». (К слову, в 1762 году англичанам все-таки удалось захватить Гавану. Правда, английское владычество продолжалось меньше года, но оно запомнилось местным жителям либеральностью и послаблениями, которых не было при испанцах. В частности, англичане ввели на острове режим свободной торговли.)

Вскоре на Кубе наступила эпоха другой торговли. Более прибыльной, беспощадной и попирающей все нормы морали – торговли людьми.

Испанцы начали завозить на Кубу рабов из Африки. Их называли «босалес». Они были более выносливыми и сильными физически, чем невысокие и узкоплечие индейцы, не привыкшие к непосильному и, главное, подневольному труду. К тому же индейцы умирали гораздо быстрее африканцев. Если первые в годы порабощения острова трудились на возведении форпостов, то негров европейские хозяева использовали на плантациях табака и сахарного тростника. Мало кто знает, что труд рубщика тростника по изнурительности может сравниться, пожалуй, лишь с работой шахтера в забое.

Даже сейчас один рубщик тростника, работая сдельно, должен производить не менее двенадцати тонн сырья, чтобы выполнить дневную норму выработки. Он теряет в среднем 8 килограммов веса в день. За двенадцатичасовой рабочий день рубщик около тридцати шести тысяч раз сгибает ноги, 800 раз перемещается на небольшие расстояния. Переноса в руках по 15 килограммов тростника, он проходит около девяти километров. Но это еще не все. Рубщик не застрахован от укусов вредных насекомых и укулов растений. Добавим к этому погодные условия: при высокой влажности в полдень минимальная температура на солнце в период сборки тростника составляет 45 градусов тепла.

Сахарный тростник и табак стали новым источником дохода Испанского королевства.

Прошло немного времени, и Куба стала центром работорговли всего Западного полушария. Цена на рабов здесь росла год за годом. За три столетия испанского владычества на Кубу было привезено около миллиона рабов из Африки! Именно они за относительно короткие сроки превратили Кубу в главного экспортера сахара в мире. В 1827 году на острове насчитывалась почти тысяча небольших сахарных заводов. Это был невероятный показатель по тем временам!

Если в начале XIX века лесистая местность составляла 90 процентов территории Кубы, то сейчас это лишь пятая ее часть. Таким образом, Куба, с ее избытком сахарных и табачных плантаций, страдавшая от недостатка плодородных земель для выведения зерновых и овощных культур, к XX веку стала почти полностью зависимой от импорта продовольствия. В статье «Интернационализация геноцида», опубликованной в газете «Гранма» 3 апреля 2007 года, Фидель Кастро так говорил о годах колонизации: «Трагедией нашего народа был так называемый мертвый сезон – следствие циклического характера производства этой культуры. Земли, находившиеся под плантациями сахарного тростника, были собственностью американских предприятий и крупных кубинских землевладельцев. Таким образом, мы больше кого бы то ни было накопили опыт в плане социальных последствий этого выращивания».

Куба превратилась в остров, образно говоря, «плодоносящий» сахаром, сигарами и... рабами. Испанцы потирали руки. Раб на Кубе стоил в пять раз дороже раба в Африке. Количество рабов в десятки раз превышало количество «свободных белых». (Рабство на Кубе сохранялось до 1886 года, хотя формально декрет о его отмене был принят в 1880 году. Понадобилось целых шесть лет, чтобы сломить не столько сопротивление рабовладельцев, сколько изменить «сознание острова», несколько веков жившего в принуждении. Только в 1893 году чернокожие здесь были уравнены в правах с белым населением.)

Испанские вассалы коротали время в празднестве и лени. По сути, весь «труд» ставленников королевского двора на Кубе заключался лишь в своевременной отправке в Испанию сахара и табака, а также драгоценностей и денег, полученных от заезжих купцов. Колониальные власти активно устанавливали торговые и дипломатические отношения с государствами со всего света. Так, в 1829 году указом императора Николая I в Гаване было учреждено консульство России. Вот что говорилось в указе государя: «Находя полезным для российской торговли учредить в Гаване на острове Куба консульство, повелеваю определить там нашим консулом поселившегося на сем острове подданного нашего Александра Людерта и вместо взимаемых в других местах с корабельщиков по консульскому уставу сборов производить ему из Государственного казначейства на издержки по триста рублей в год, считая рубль в двести пятьдесят центов нидерландских»².

Со временем на Кубе начало формироваться новое «сословие» – креолы, потомки первых испанских поселенцев. Любопытно, что если в целом в Латинской Америке креолами именovali детей от смешанных браков белых и аборигенов, то в Испании так презрительно назы-

---

² Дипломатический вестник. 1989. № 5. С. 51.

вали своих белых сограждан, кто родился на острове в испанской семье или эмигрировал на Кубу из метрополии.

Креолы были более активны и не менее богаты, чем приезжие из Европы. Так, для отделки дворца семьи Альдама, самого могущественного из креольских кланов на Кубе, из Европы привозились дорогой мрамор, роскошные гобелены и картины лучших художников того времени. Это было сделано специально в отместку тогдашнему испанскому губернатору острова Такону, чей дворец, построенный в стиле барокко, должен был символизировать испанское господство.

Представители рода Альдама первыми завозят на остров не рабов, а наемных рабочих по контракту из Китая. Они первыми применяют на своих сахарных заводах передовые паровые машины, налаживают торговые контакты со всем миром, приглашают на гастроли знаменитых артистов из Старого Света. Им претит всевластие испанских наместников, погрязших в лени и не устающих подсчитывать барыши. С годами дворец семьи Альдама становится островком свободомыслия. Именно здесь впервые прозвучала идея об отмене рабства на Кубе.

Чашу терпения метрополии переполнил эпизод с выкупом креолами черного раба, поэта Франсиско Мансано. Богатые креолы во главе с Мигелем Альдамой собрали для этого деньги. Но, когда они пришли к владелице раба с необходимой суммой, она увеличила цену вдвое. Креолы согласились с ее требованиями, а поэту поставили условие: он должен написать книгу о том, что испытал в неволе. Это произведение Франсиско Мансано стало самым ярким документальным свидетельством того гнета, который пришлось пережить рабу на Кубе³.

Слух о том, что на острове появился островок свободомыслия, дошел до Испании. Однажды на рассвете во дворец Альдамы ворвались вооруженные испанцы. Роскошный дворец был разграблен и сожжен, а сам Мигель Альдама, чудом избежав расправы, эмигрировал в США, где умер в нищете.

Во второй половине XIX века на Кубе сложилась парадоксальная ситуация, которая не могла не привести к «конфликту интересов»: политическая власть в стране и лучшие земли находились в руках у испанцев, а фактически вся экономика – у кубинских креолов. В 1817 году колониальные власти отменили табачную монополию и разрешили свободную торговлю, но в 1823 году снова ужесточили свою политику. В конце концов это привело к войне местных жителей с колонизаторами. Правда, восстание (оно произошло в 1850 году) подняли не бедные слои населения, а креолы, которые, при поддержке рабовладельцев из южных американских штатов, выступили за присоединение Кубы к США. Но эта попытка свергнуть колониальную власть потерпела неудачу, а лидер креолов Нарсисо Лопес был прилюдно казнен.

Этот небольшой экскурс в историю «вековых давностей» важен для понимания личности самого Фиделя Кастро. Он со школьных лет знал, что островная Куба оставалась последним оплотом работорговли в Западном полушарии, который лишь в конце XIX века потеряла и за который потому так рьяно сражалась когда-то могущественная Испания.

В юношеские годы у Фиделя Кастро родилась мечта сделать Кубу первым государством Латинской Америки, где будут торжествовать свобода и равноправие. Не вековым ли унижением своего народа обусловлена патологическая ненависть Фиделя к чужеземцам, пытающимся заставить кубинцев жить по своим понятиям? Не в истории ли сожженного на костре индейского вождя Атуэя нужно искать корни самого знаменитого лозунга кубинской революции «Родина или смерть!»? У Фиделя Кастро трепетное отношение к прошлому. На Кубе нет ни одного памятника Фиделю Кастро, ненавидящему любые формы проявления культа личности. Зато повсюду на острове увековечена память людей, боровшихся за независимость Кубы.

Мы знаем десятки примеров того, как политики, наделенные неограниченной властью, стремились перечеркнуть все, что сделали их предшественники, старались «выпятить себя в

---

³ Куба. М., 1979.

истории», а иногда и вовсе переписать ее под себя. Можно вспомнить классические примеры из недавнего прошлого нашей страны. Когда Сталин вдруг встал вровень с Лениным, когда позже имя уже самого «отца народов» вымарали из учебников, а портреты изорвали в клочья, когда ниспровергателя Сталина Хрущева и вовсе забыли при жизни...

Сегодня мало кто за пределами Кубы помнит имя Карлоса Мануэля де Сеспедеса, выходца из семьи обеспеченных кубинских креолов, земледельца из Байямо, возглавившего в 1868 году Десятилетнюю войну против колонизаторов. Эта война закончилась поражением повстанцев. Легенда гласит, что именно Сеспедес впервые произнес самый знаменитый лозунг кубинских революционеров «Родина или смерть!».

Белый мраморный памятник Карлосу Мануэлю де Сеспедесу сегодня украшает Пласа-де-Армас в Гаване, а кубинцы называют этого революционера не иначе как «отцом нации и первым президентом восставшего с оружием в руках народа».

Десятилетняя, или, как ее называют, Великая война 1868—1878 годов показала, что для руководства освободительной борьбой нужны другие деятели и другие методы. Для свержения многовековых колонизаторских устоев, для пробуждения кубинцев, замкнувшихся в себе, разьединенных, забитых, требовался не просто лидер, а человек, наделенный харизмой, исключительным политическим и интеллектуальным талантом.

И такой человек появился. Хосе Марти, поэт, прозаик, публицист, стал вдохновителем кубинской революционной партии и лидером второй войны за независимость Кубы от испанского владычества. Чилийская поэтесса Габриэла Мистраль справедливо назвала Хосе Марти «самым чистым образцом латиноамериканца». Тонкий ценитель изящного, он прожил большую часть жизни за границей. В конце 1880-х годов Марти представлял в качестве генерального консула в Нью-Йорке попеременно три латиноамериканские страны: Уругвай, Аргентину и Парагвай!

Влияние личности Хосе Марти, погибшего в бою под Дос-Риос 19 мая 1895 года, на продолжателей его дела, кубинских революционеров XX века, и конечно же на самого Фиделя колоссально.

«Для нас, кубинцев, Марти – это идея добра, о которой он писал. Мы, кто 26 июля 1953 года возобновили начатую 10 октября 1868 года борьбу за независимость, именно в год, когда исполнялось столетие со дня рождения Марти, получили от него все, прежде всего, этические принципы, без которых нельзя даже представить себе революцию. От него мы получили также его вдохновляющий патриотизм и такое высокое понятие о чести и человеческом достоинстве, которому никто в мире не смог бы нас научить, – говорил Фидель Кастро в январе 2003 года на закрытии Международной конференции „За равновесие мира“, посвященной 150-летию со дня рождения Хосе Марти. – То был действительно необыкновенный, исключительный человек. Сын военного, увидевший свет в семье родителей-испанцев, он превратился в пророка и творца независимости земли, где он родился; интеллигент и поэт, бывший подростком, когда началась первая великая война, он был способен позже завоевать сердца, уважение, поддержку и почитание старых опытных военачальников, осенивших себя славой в той войне.

Пылкий сторонник мира, единства и гармонии между людьми, он не колеблясь подготовил и начал справедливую и необходимую войну против колониализма, рабства и несправедливости. Он первым пролил свою кровь и первым отдал свою жизнь как вечный символ альтруизма и личного бескорыстия»⁴.

Многие журналисты и исследователи до сих пор гадают, кем «больше» является Фидель Кастро: социалистом, коммунистом или просто ярким и убежденным антиамериканистом. Ведь в 1961 году Кастро провозгласил «социалистический характер кубинской революции», а в 1965-м – возглавил Центральный комитет компартии Кубы. Наконец, всю жизнь, как Давид с

---

⁴ Размышления главнокомандующего. 2008. 31 января.

Голиафом, упрямо и иногда уперто, борется против могучей «северной империи». Некоторые из политологов – критиков Фиделя развивают это утверждение, называя Кастро и его соратников «фиделистами – радикальными революционерами, стремившимися к максимальной политической власти через постоянную борьбу с противниками, которым не хватало хорошо сформированной идеологии»⁵.

Социализм Фиделя Кастро конечно же совсем не тот, что существовал в СССР и Восточной Европе. Хотя бы в силу того, что Фидель жил народом и живет в гуще народа, в отличие от деятелей, укрывавшихся от него за кремлевской стеной и потерявших контакт с реальностью. Вдобавок, кубинский социализм не имеет большевистских корней. Политика Гаваны все время оставалась самостоятельной от Москвы, а Кастро вел свой революционный корабль по собственному фарватеру, не присоединяясь к каким-либо пактам и союзам социалистического лагеря. В 1999 году, в год 40-летия революции, выступая на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию, он сказал: «Наша революция не была импортирована, не была инспирирована извне, она была подлинная и только наша. Единственное, что мы действительно импортировали – это идеи или книги, которые помогли нам получить революционную политическую культуру, к ней мы добавили определенные идеи отечественного производства»⁶.

Что до антиамериканизма, то он действительно стал одним из главных постулатов политики Кастро, но не определяющим. Тут, помимо личностных факторов, большую роль сыграла реакция революционеров на враждебные действия Вашингтона в отношении Кубы.

Кубинская модель революционного развития прежде всего основана на идеях Хосе Марти, который в представлении марксистов и большевиков являлся либералом и ревизионистом. Кубинцы называют его апостолом революции. Сам Кастро однажды сказал, что Хосе Марти был не иначе как «святым и ясновидящим». Любопытно, что Фидель Кастро, будучи в изгнании, собирая средства для свержения диктаторского режима в середине 1950-х годов, проехал по Соединенным Штатам по тому же маршруту, что и Хосе Мар-ти с аналогичными целями в XIX веке.

Фидель Кастро почти во всем повторил его путь, создавая единую кубинскую революционную партию. Он, как и Марти, тайно прибыл на Кубу со своими соратниками на небольшом суденышке, прошел все тяготы тюремного заключения. Выступая на суде после неудачного штурма Мон-кады, Фидель заявил, что интеллектуальным вдохновителем революционеров был Хосе Марти. Они – всего лишь исполнителями. Одним из главных жизненных постулатов Фиделя является знаменитое высказывание апостола кубинской революции о том, что «лучшая форма убеждать людей – это действовать». Кастро как-то признался, что глубокое, неизгладимое впечатление произвела на него одна фраза Марти, которая ему «много раскрыла» и которую он «всегда имеет в виду»: «Вся земная слава уместается в одном зернышке кукурузы». Фидель и его сподвижники с блеском осуществили то, что не удалось Марти, – добились подлинной независимости Кубы.

О том, что для Фиделя идейным учителем был его соотечественник Хосе Марти, а не европейские теоретики социализма, свидетельствует и тот факт, что на Кубе нет памятников Марксу, Энгельсу, Ленину, и цитат из их произведений в главной кубинской газете «Гранма» не встретишь. Зато в каждом уголке страны есть памятники Хосе Марти, а в самой Гаване стоит памятник его матери, который, между прочим, еще в 1956 году установила «Масонская ложа Кубы».

Неистребимая жажда свободы кубинского народа нашла свое отражение и в кубинском флаге, который впервые был поднят борцами за независимость в 1850 году, почти за столетие до победы кубинской революции. Его три синие полосы означают департаменты, на кото-

---

⁵ Сделка Кастро с советским дьяволом // Los Angeles Times. 2006. 14 августа.

⁶ <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1999/rus/f110699r.html>

рые делился остров в то время. Две белые полосы символизируют чистоту стремлений кубинского народа. Красный равнобедренный треугольник – идеалы равенства, братства и свободы, а также кровь, которую необходимо пролить для их достижения. Наконец, белая звезда – символ независимости Кубы.

Радикальных перемен жаждали не только непосредственные вдохновители войны за независимость и деятели кубинской революции, но и широкие народные массы, рабочие, крестьяне. Хосе Марти, положивший жизнь в борьбе с испанскими колонизаторами, предвидел, что страну в будущем ждут не менее серьезные испытания. Предупреждал, что главным врагом для новой Кубы станут Соединенные Штаты. В 1870–е годы он писал: «Американские законы дали Северу высокую степень благополучия и подняли его также на самую высокую ступень коррупции. Они монетаризировали его, чтобы сделать благополучным»⁷.

Пользуясь плачевным состоянием сахарной промышленности острова, пострадавшей во время войны за независимость, американцы грамотно воспользовались ситуацией и осуществили значительные инвестиции на Кубу. В 1883 году в руки американцев перешел первый сахарный завод, и через какие-то полтора десятка лет они уже фактически полностью контролировали производство сахара и табака, ключевые отрасли экономики острова.

Для кого-то «бизнес – есть бизнес». Для американцев бизнес – это влияние и политика. В конце XIX века они неоднократно пытались выкупить остров у испанцев, но, поняв тщетность своих усилий, решили, что кратчайшим путем к цели станет интервенция на Кубу. Испано-американская война стала первой крупной завоевательной акцией Соединенных Штатов за пределами страны.

Поводом послужил взрыв в феврале 1898 года американского крейсера «Мейн», стоявшего на рейде в Гаванской бухте. Они выдвинули версию, что причиной взрыва стала испанская мина. Истинные причины той трагедии не выяснены до сих пор. Но на Кубе убеждены, что это была американская провокация, что Белый дом, для того чтобы ввязаться в войну, пожертвовал жизнями 250 своих военных. (Важная деталь для понимания как отношений Кубы и США, так и национального характера кубинцев, не приемлющих лжи и несвободы. На революционном острове никогда не уничтожали памятников, за исключением одного, установленного при прежнем режиме «героическим морякам крейсера „Мейн“».)

Итог этого силового противостояния было нетрудно предугадать. Испания была не просто истощена войной. Образно говоря, она уже стала «уставать от Кубы». Моральный дух испанской армии был слабым, молодые рекруты, среди которых, кстати, был и отец Фиделя, не хотели воевать, они не понимали, зачем должны защищать остров, находящийся в тысячах километрах от их родины. Кроме того, в годы правления на Кубе испанского генерал-губернатора Валериано Вейлера-Николау, получившего прозвище «Вейлер-мяс-ник», градус ненависти кубинцев к метрополии достиг критической отметки. Тысячи местных жителей, в основном бедных крестьян, стояли в концентрационных лагеря, где умирали от голода и пыток.

США умело воспользовались народным недовольством, формально выступив в роли освободителей Кубы. 25 апреля 1898 года США официально объявили Испании войну. Она закончилась, едва начавшись. Испания капитулировала 12 августа того же года.

Таким образом, испанцы, несмотря на почти трехсоттысячный воинский контингент, потерпели унижительное поражение, потеряв не только свою последнюю и самую прибыльную в прошлом колонию в Западном полушарии. В ходе боевых действий США также захватили принадлежавшие Испании Филиппины и Пуэрто-Рико. По так называемому Парижскому договору от 10 декабря 1898 года Испания отказывалась от прав на все эти колонии. Они были объявлены «свободными государствами». Но лишь формально, поскольку переходили под кон-

⁷ <http://www.posolstvo-cuba.ru/cuba/josemarti.htm>

троль США. И если, в конце концов, спустя годы Куба и Филиппины все-таки обрели независимость, то Пуэрто-Рико до сих пор подчинено США.

Ставленники испанского королевского двора спешно паковали чемоданы и отплывали в Европу. Это поражение Испании стало серьезным ударом по национальному самолюбию страны, когда-то владевшей едва ли не всей Южной Америкой. А «потерянное поколение» молодых людей, выросших в обстановке поражения, стало именоваться в Испании «поколением 98-го года».

Придя на Кубу, американцы почти полностью перекрыли местной элите «кислород», продвигая на все ключевые административные и политические должности своих ставленников. Как это неоднократно случалось в мировой истории, люди, бывшие на задворках политической жизни и получившие доступ к власти, занялись «дележом портфелей» и быстро погрязли в коррупции.

Тут нельзя не упомянуть об одном важном моменте, который скажется на мировоззрении Фиделя Кастро, его отношении к Соединенным Штатам, и во многом объясняет природу его ярко выраженного антиамериканизма. Во времена испанской колонизации кубинская элита – креолы – благодаря своему положению и деньгам, в принципе, была если не допущена к власти, то могла, говоря управленческим языком, влиять на принятие решений. Американцы позволили местной аристократии сохранить собственность, но к власти ее не подпускали. Обосновавшись на острове, они оставили местной элите, к которой принадлежал и отец Кастро, довольно крупный землевладелец, возможность заниматься бизнесом. Но для этого ей нужно было дружить с янки. Последние же создавали местным собственникам такие условия, что им приходилось продавать свои земельные участки, чтобы не подвергаться травле и давлению.

Отец Фиделя оказался единственным из местных латифундистов, кто не продал свой участок «северным соседям», несмотря ни на денежные посулы, ни на угрозы.

Американцы распустили Кубинскую революционную партию и Армию освобождения Кубы и фактически установили на острове неокOLONиальный режим. И хотя в декабре 1901 года на Кубе прошли президентские выборы, победу на которых одержал Томас Эстрада Пальма, а 20 мая 1902 года была провозглашена независимая Кубинская республика, эта страна была связана с США кабальными законными актами.

Американцы отказывались покинуть остров до тех пор, пока не заставили избранный кубинский парламент в июне 1901 года включить в конституцию страны так называемую поправку Платта, устанавливающую над Кубой особую форму протектората США. Согласно этой поправке, власти Кубы могли заключать договоры с другими странами и получать иностранные займы только с санкции США. Правительство Кубы должно было признавать правомерными все действия американских военных на острове. Кроме того, Соединенные Штаты получили право на интервенции на Кубу в целях «защиты ее независимости». Поправка Платта легла в основу так называемого «постоянного договора» между США и Кубой, который был заключен 22 мая 1903 года. В том же году в рамках этих договоренностей Куба отдала США в бессрочную аренду Гуантанамо для строительства военной базы. Поправка Платта формально была отменена в 1934 году, однако фактический протекторат США над островом сохранялся до победы кубинской революции, а из Гуантанамо американцы не ушли до сих пор.

В донесении в морской генеральный штаб России от 7 по старому стилю (20) января 1909 года агент А. К. Небольсин сообщал: «Американские войска заняли все стратегические пункты страны, но они никогда личного участия не принимали в восстановлении порядка. Эту трудную и неблагодарную работу проделывали 100-тысячная туземная армия и полиция. Вышеназванный двойной военный контингент привел к тому, что атаман разбойничьих банд, державший на откупе сотни помещиков и фермеров, явился к губернатору Магуну с повинною и предложил свои услуги и способности поработать в пользу своей страны. Говорят, что Ма-

гун эту просьбу принял. Во всяком случае, поджоги плантаций и вымогательства разбойников в настоящее время достояние старины <...>

Из одного частного разговора я узнал, что хотя Америка оказала большую услугу Кубе, но она же зато стоила ей громадных денег. В тот момент, когда американцы взяли в руки управление островом, в кассе, несмотря на крупные хищения, был резервный капитал – 9 миллионов долларов. Американцы за два с половиной года израсходовали эти 9 миллионов долларов, да еще 60 миллионов сверх того, поэтому в финансовом отношении Куба должна сильно поприжаться. Впрочем, это ей не страшно, ибо она настолько богата от природы, что даже теперь, когда остров только начал благоустраиваться, все же таможенный сбор достигает 30 миллионов долларов в год и в скором будущем он, вероятно, удесятерится»⁸.

В другой шифрограмме морской агент России в США А. К. Небольсин сообщал следующее: «Военный порт Гуантанамо не мог посетить ввиду того, что американское морское ведомство его держит в полном секрете, и насильственная поездка больше испортила бы отношения, чем принесла бы существенного интереса. Из частных источников узнал, что в Гуантанамо строится сухой док, но он еще не готов. Военный порт и береговые укрепления только в проектом состоянии. Сама бухта во всех отношениях прекрасное убежище для флота и со временем будет первоклассная морская база»⁹.

В Гаване в начале XX века строится копия вашингтонского Капитолия, призванного олицетворять «символ зарождающейся демократии молодой республики». В кубинском Капитолии, как и в Америке, должны заседать новоиспеченные конгрессмены. Лучшие фабрики, заводы, земли, банки, транспортная и коммунальная инфраструктуры переходят под контроль американских монополий. Фактически на их содержании находятся все четыре вида власти: исполнительная, законодательная, судебная и средства массовой информации.

Официальный Вашингтон уже вынашивает планы присоединения Кубы к США. Об испанской колонизации, ассоциировавшейся с работорговлей, потихоньку забывают. На острове теперь правят бал неокolonизаторы – более практичные и изощренные, чем предыдущие хозяева Кубы – испанцы. Американские войска находятся во всех стратегически важных районах острова. О том, насколько Куба тех лет зависела от США, свидетельствует тот факт, что даже пресная вода вырабатывалась на горючем, которое привозилось из Америки.

Американские нувориши «оттягивались» на кубинских пляжах, в то время как простым кубинцам было запрещено купаться в море – пляжи являлись частной собственностью американских и местных богачей. По сути, Куба медленно, но верно превращалась не только в политический и экономический, но и «туристическо-бордельный» придаток Соединенных Штатов.

Сознание ни одного народа в мире, пожалуй, не ранено многовековым колониальным наследием так, как кубинского. Отсюда, на мой взгляд, и происходят истоки особой гордости, ранимости и обидчивости кубинцев.

Освободившись от рабства испанского, кубинцы попали под не менее жестокий и унижительный гнет. К ним относились как к людям второго сорта, а к их стране как к «американской сахарнице». В свое время все мировые газеты опубликовали снимок, на котором запечатлен пьяный солдат-янки. Давая себя фотографировать, он прилюдно, никого не стесняясь, мочится на памятник Хосе Марти в Гаване. А президент США Рузвельт, выступая на одной из панамериканских конференций, заявил: «У меня вызывает такое отвращение эта адская кубинская республичка, что хотелось бы стереть ее народ с лица земли. У нас нет иного выхода, кроме вмешательства. Это убедит подозрительных идиотов в Южной Америке в том, что при желании мы можем вмешаться и что мы жаждем земель»¹⁰. Какое еще объяснение нужно для

---

⁸ Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 23—24.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Хачатуров ЛГ. Уроки Карибского кризиса // Независимая газета. 2002. 21 октября.

того, чтобы понять, почему антиамериканизм является одной из основ философии и политики Фиделя Кастро?

К тридцатым годам XX века Гавана становится городом–казино, своего рода латиноамериканским прообразом Лас–Вегаса. После Второй мировой войны президент Кубы Фульхенсио Батиста предлагает американцам застроить всю западную часть города увеселительными заведениями для богатых туристов.

Новый протекторат, по сути, на десятилетия вперед определял уклад жизни, сводившийся к унылому и беспросветному существованию для большинства кубинцев. При испанцах простой человек, такой как отец Фиделя, приехавший на Кубу с маленькой котомкой и ставший землевладельцем, мог если не разбогатеть, то, благодаря таланту и трудолюбию, хотя бы вырваться из нищеты. При новых хозяевах жизни простому человеку была уготована участь бессловесной obsługi.

700 тысяч человек, треть трудоспособного населения Кубы, в первой половине XX века были безработными. А в поисках места рубщика тростника по стране с мачете в руках скитались тысячи сельскохозяйственных рабочих.

Улицы Гаваны были заполнены назойливыми попрошайками, проститутками, корбейниками и лотошниками, пытавшимися продать сигары, ворованные с табачных фабрик, лотерейные билеты или жевательную резинку.

В 1925 году Карлос Балиньо, Хулио Антонио Мелья и другие революционеры основали первую коммунистическую партию Кубы. Однако о каких–либо продуманных и активных действиях по изменению существующего на острове строя речи идти не могло. (Сегодня мемориал основателя марксистско–ленинской партии Кубы Хулио Антонио Мельи находится у Гаванского университета, на том месте, где часто происходили стычки студентов с полицией и войсками.)

Народ был озабочен только одним: как бы не умереть с голоду. А среди лидеров партии в те годы не нашлось такой личности, как Хосе Марти, кто мог бы повести его за собой. Коммунисты заметно уступали по авторитету в кубинском обществе двум другим движениям: «центристам», которые хотели добиться от США большей самостоятельности для острова, и правым буржуазным партиям. Те ратовали за присоединение Кубы к Соединенным Штатам и фактически находились на содержании американцев.

На Кубе сегодня хорошо знают историю о том, как в 1920 году американцы, подкупив президента Гарсиа Менокаля, разорили кубинские банки, а затем скупили их, установив полный контроль над финансами Кубы. В 1925 году президентом Кубы стал бывший министр внутренних дел генерал Херардо Мачадо, получивший в период своего правления миллионные займы от американцев. 80 процентов кубинского экспорта, львиную долю которого составляли сахар и сигары, приходилось на США. (К слову, в 1933 году Мачадо не спасла дружба с американцами, которые организовали военный переворот, приведший к его свержению.)

Мачадо установил в стране диктаторский режим. Компартия была в полной изоляции, а частью политической жизни тогдашней Кубы стали аресты, убийства и пытки сотен партийных активистов и прогрессивных студентов. Не проходило и дня, чтобы на Кубе не находили истерзанный труп кого–то из них. (В музее, расположенном в бывшем президентском дворце в Гаване, посетителям демонстрируют один из самых ужасающих экспонатов той эпохи – машинку для вырывания ногтей.) Известный французский писатель Анри Барбюс в своей книге «Террор на Кубе» так охарактеризовал режим Мачадо: «...Мачадо впитал в себя все пороки, дефекты и преступления своих предшественников в президентском дворце. Он довел террор до степени безумия»¹¹.

---

¹¹ Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 88.

Глава вторая

ДЕТСТВО КОМАНДАНТЕ

Благодаря телевидению, газетам и книгам Фиделя Кастро в мире больше знают как революционного лидера, нежели как человека. Досконально известны практически все этапы революционной борьбы главнокомандующего: неудачный штурм крепости Монкада, высадка с яхты «Гранма», партизанская борьба в горах, свержение режима Фульхенсио Батисты, Карибский кризис, наконец, строительство новой Кубы в условиях жесточайшей американской блокады.

Фидель Кастро еще в горах Сьерра-Маэстра, в годы своей партизанской борьбы, обрел свой «вечный» революционный образ – «барбудо» (в переводе с испанского – бородач). Тогда революционеры поклялись не бриться до победы над Фульхенсио Батистой. (Некоторые из них, в том числе и Фидель, и по прошествии десятилетий так и не сбрили бороды.)

Высокий, стройный, в неизменном темно-оливковом френче и фуражке цвета хаки, со своей легендарной бородой – таким запечатлело его в своей памяти не одно поколение людей во всем мире. (К слову, изображение Фиделя Кастро в военной форме, со сжатым кулаком, рядом с двумя «братьями по оружию» является логотипом главной кубинской газеты «Гранма».) Трудно представить себе его иным. Потому и кажутся нереальными кинокадры, снятые в больничной палате во время долгого послеоперационного периода реабилитации Фиделя Кастро. Дело даже не в физической слабости команданте, который во время болезни сбросил 20 килограммов веса. А в том, что он предстал перед миром не таким, как всегда. Кастро был одет в спортивный костюм цвета кубинского флага.

В многочисленных фотоальбомах и в монографиях «иллюстрированная история Кастро» начинается с того самого образа вооруженного бородача – «барбудо». Дело не в том, что он неохотно вспоминает о своем детстве и юности, как, кстати, и не любит статей и книг о себе, которые зачастую пестрят небылицами о нем. И не в том, что он ненавидит культ личности. Фиделю Кастро претит интерес к его личной и в особенности к закрытой для всех семейной жизни. Обсуждение этой темы является на Кубе табу. А сведения о состоянии его здоровья после операции 31 июля 2006 года и вовсе были переведены в разряд государственной тайны.

Но можно подметить одну интересную особенность. На самом деле, больше всего команданте эн хэфэ не любит, когда речь заходит о его *внереволюционной* жизни, прошедшей, образно говоря, в его родной, но еще не *его* стране. Той, в которой нет его пламенных многочасовых речей и его любимого лозунга «Родина или смерть!».

В свое время для многих людей в Советской России таким непривычным в сравнении с обычным образом «Ильича в кепке» казался маленький Володя Ульянов на октябрятском значке. Что и говорить о Сталине, который, кажется, и вовсе родился с трубкой в руках и маршальском мундире.

Кастро конечно же вспоминает о своем детстве и отрочестве, но с меньшим упоением, чем о годах славной революционной молодости, о втором доме – горах Сьерра-Маэстра, о десятках лет революционного созидания. Да и в силу возраста, в той немислимой череде пережитого – трагедий и счастливых побед – воспоминания детства представляются отрывочными фрагментами из, кажется, уже далекой жизни.

Ученые утверждают, что сознание ребенка формируется в возрасте от трех до шести лет. От «зерен, брошенных» родителями в эти годы на чистую детскую почву, зависит, какой урожай взойдет в зрелые годы, каким вырастет человек. Черствым, сухим, нервным, с гнилой сердцевинкой, озлобленным на весь мир или полным жизненных сил, открытым миру и людям, способным к развитию и совершенствованию.

Бытует мнение, что формирование личности Фиделя произошло в студенческие годы, когда за считанные месяцы он, подававший большие надежды студент–юрист, ступил на путь революционной борьбы.

С этим нельзя не согласиться. Окончив знаменитый Гаванский университет и надев мантию адвоката, Фидель вскоре сбросил ее и, как говорил герой незабвенного «Бум–бараша» Аркадия Гайдара, «пошел революцию делать». Учеба в лучшем вузе Кубы, основанном, страшно подумать, еще в рабовладельческие времена, в 1728 году; книги, а именно их Фидель Кастро считает наиболее ценным достоянием человечества; знание множества предметов; общение с прогрессивно мыслящими студентами и преподавателями; активное участие в манифестациях против диктатуры... Все это, безусловно, оказало колоссальное влияние на формирование революционного мировоззрения будущего главнокомандующего. Усиление репрессий на Кубе привело его к пониманию того, что борьба против диктатуры должна иметь только революционный, а отнюдь не юридический и парламентский характер.

Но вот вопрос: смогла ли бы начатая в молодые годы революционная борьба команданте, которая в итоге привела к триумфальному взятию страны под свой контроль, увенчаться успехом, если бы еще в детстве родители не посеяли в маленьком Фиделе семена «доброго, разумного и светлого»? Состоялся бы он вообще как личность без своих простых, скромных, трудолюбивых и уверенных в «правде своей» и внутренней силе родителей? Что было бы, если бы будущий лидер Кубы еще в детстве сам не сталкивался с несправедностью и унижением в окружающем мире, зародившем в нем обостренное чувство справедливости, а жил, как и полагается сыну латифундиста, размеренно и вольготно? Наконец, где бы еще он постиг природу и подноготную капитализма, как не в Биране, в имении своего отца – дона Анхеля, на которого трудились сотни наемных рабочих?

Изучая детские и юношеские годы кубинского лидера, я поражаюсь тому, как в ребенке начали формироваться те качества, которые спустя десятилетия станут частью огромной глыбы, особой планеты под названием «Кастро»: неприятие любой формы несправедливости, упрямство, несокрушимое желание идти к победе до конца, вера в праведность своего дела, неприятие проигрышей и поражений, феноменальная память. А также самая, пожалуй, его главная черта – способность всецело отдаваться тому, что его по–настоящему захватывает.

На первый взгляд в Фиделе Кастро больше отцовского. Даже внешнее сходство. Точнее сказать, в нем больше выражены отцовские несгибаемость, упорство, умение идти напролом, нежели материнские мягкость, мудрость и терпение. Действительно, от испанца дона Анхеля Фидель унаследовал предприимчивость, силу воли и храбрость, стремление покорять новые высоты и, не считаясь с преградами, идти вперед. Говорят, именно дон Анхель пристрастил Фиделя к табаку, по одним данным, дав ему прикурить в шесть, а по другим, в 13 лет. В рабочем кабинете Фиделя Кастро висит большая фотография отца в простой рубашке, старого, умудренного жизнью фермера.

Отец Фиделя, Анхель Кастро Архиз, был испанского происхождения (у всех кубинцев две фамилии – первая отца, вторая – матери. – М. М.). Он родился 8 декабря 1875 года на севере Испании, в отсталой малоземельной Галисии, в семье очень бедных крестьян. В 11 лет Анхель Кастро остался без матери, после чего его отец, дедушка Фиделя, женился вновь. Отношения у дона Анхеля с мачехой сразу не заладились, и детство его было крайне сложным и даже мучительным.

В 17 лет Анхеля Кастро призвали на военную службу. В 1895 году, когда ему исполнилось 20 лет, отправили воевать на Кубу. Так и осталось неизвестным, по каким причинам Анхель Кастро попал на Кубу только в 1898 году. Сам Фидель говорил, что отец никогда не рассказывал ему об этом. К счастью для будущей кубинской революции, Анхелю Кастро не пришлось принимать участия непосредственно в боевых действиях, и он остался в живых.

После войны, закончившейся бесславной капитуляцией Испании и потерей ею Кубы, своей последней колонии в Западном полушарии, Кастро–старший вернулся в родную Галисию. Испания, изможденная войной, переживала тяжелейший экономический кризис и была в то время одной из беднейших стран Европы, и Галисия «плелась в хвосте» самых отсталых ее провинций. На родине Анхеля Кастро, как и большинству галисийских мужчин, было уготовано далекое от оптимизма будущее: в лучшем случае тяжелая работа поденщиком на полях местных землевладельцев.

Морально опустошенные, испанские солдаты возвращались в Испанию с надеждой, что она если не примет их в объятия, то будет рада их возвращению. Но на родине их никто не ждал: в стране царил безработица. А в Галисии сложилась и вовсе беспросветная для простого человека ситуация. Бал правили помещики и чиновники, на стороне которых было духовенство. Это стало настоящим потрясением для Анхеля Кастро, истового католика. И он вспомнил солнечную и приветливую Кубу с ее малозаселенными и плодородными землями и простыми, отзывчивыми людьми. Уже через год после возвращения с войны он вместе с несколькими товарищами – галисийцами принял решение снова уехать на Кубу. В декабре 1899 года эмигранты высадились на острове. Родной брат Анхеля – Гонсало продолжил путь дальше и впоследствии осел в Аргентине.

Но к тому времени ситуация на Кубе была далека от той, что Анхель Кастро видел в 1898 году. После окончания Испано–кубинской войны многие предприятия перешли под контроль американцев. Новые хозяева острова начали развивать на нем бурную деятельность, захватывая наиболее плодородные земли. Североамериканские плантаторы активно занимались вырубкой леса и использовали древесину в качестве горючего на сахароперерабатывающих заводах. В свою очередь на освобождающихся и весьма плодородных землях разбивались новые плантации сахарного тростника. Его промышленная переработка стала основным родом занятий американских деловых людей на Кубе.

Американцы внедряли на сахарных заводах передовые по тем временам технологии, что приводило к сокращению рабочих мест. К тому же массовый поток бедствующих эмигрантов, которые прибывали на Кубу из Европы, из Гаити, с Антильских островов и Ямайки в поисках счастья, сокращал возможности трудоустройства.

К счастью, Анхель Кастро быстро сориентировался в ситуации. Он отправился в один из самых бедных и еще относительно не освоенных для сельского хозяйства районов Кубы, в провинцию Ориенте. У него не было ни денег, ни связей, ни образования, но было огромное желание вырваться из нищеты. Первым местом работы Анхеля Кастро стали шахты Пануто и Дайкири. Он не спускался в забой, а устроился ночным сторожем. Ему потребовалось немного времени, чтобы понять – на Кубе можно выбраться из нищеты, только если иметь отношение к «земле и сахару». Но все плодородные тростниковые земли были скуплены или стремительно скупались новыми хозяевами. А у Анхеля Кастро не было накоплений, позволявших пустить их в оборот. Ему удалось устроиться рабочим на сахарный завод – небольшое подразделение американской фирмы «Юнайтед фрут компани», которой к тому времени принадлежала уже четверть (!) обрабатываемых земель острова. (С годами эта компания стала самой крупной американской монополией на Кубе.) Освоившись, Кастро попал в артель рабочих, строивших транспортную ветку, по которой срубленный тростник доставлялся на завод. Таким образом, шаг за шагом, отец Фиделя получил возможность на практике изучить все стадии сахарного производства.

В артели Анхель Кастро вскоре стал неформальным лидером. Как и все галисийские эмигранты, он был скромным и трудолюбивым. Его отличали большая сила воли и жесткий характер. Экономя на еде и отказывая себе в малейших удовольствиях, Анхель Кастро на паях со своим товарищем, таким же галисийским эмигрантом, открыл небольшую закусочную для рабочих. На вырученные деньги купил несколько быков. Парнокопытные на Кубе были в то время основ-

ным транспортным средством. Они перевозили сахарный тростник с плантаций на заводы по производству сахара.

Теперь Кастро–старший мог перейти в совершенно другую категорию – в подрядчики по выполнению транспортных работ для сахарозаводчиков. Он сколотил свою группу рабочих, которые начали выполнять подряды по контракту с той самой американской фирмой, на заводе которой он начинал свою «сахарную» карьеру. Эта артель занималась вырубкой леса, чтобы на освобожденных площадях выращивать тростник, а также заготавливала древесину для заводов по его переработке. За короткое время бригада Анхеля Кастро увеличилась до 300 человек. На его предприятии работали в основном эмигранты: испанцы, выходцы из Гаити, Антильских островов и Ямайки. Позже самых трудолюбивых из них дон Анхель возьмет к себе на работу в усадьбу в Биране, и их чернокожие дети станут первыми друзьями Фиделя.

Поднакопив денег, Анхель Кастро наконец–то мог приступить к реализации своей давней мечты – обзавестись земельными угодьями. Ему удалось приобрести 900 гектаров земли в провинции Ориенте, а также арендовать два соседних участка земли – несколько тысяч гектаров – у двух отставных кубинских генералов, принимавших участие в последней колониальной войне. Плата за подобные участки в то время, как правило, составляла не больше пяти процентов от реализации продукции, которая выращивалась на них.

Таким образом, Анхель Кастро поднялся еще на одну ступеньку социальной лестницы. Теперь он попал в разряд «колона» – землевладельца, который выращивал на арендованных землях сахарный тростник.

Он приобрел усадьбу, на Кубе именуемую «финка», – поместье «Манакас». До его продажи оно не было объектом повышенного спроса, так как значительную его часть составляли не плантации тростника, а деревья, которые еще предстояло вырубить. Но теперь дону Анхелю рубка представлялась пустяком. Тростник на этих землях начал давать такие обильные урожаи, что соседние сахарные заводы, до этого временами простаивавшие из–за недостатка сырья, наконец–то стали работать на полную мощность. А в целом количество сахарного тростника, получаемого с земель, принадлежавших Кастро, составляло от 75 до 80 тонн ежегодно, что являлось весьма внушительным показателем.

«В усадьбе основной культурой был сахарный тростник, а вторым по важности было животноводство, потом уже шли другие культуры, – рассказывал Фидель Кастро известному бразильскому теологу и философу Фрею Бетто. – Там выращивали бананы, корнеплоды, были маленькие поля зерновых, кое–каких овощей, аллеи кокосовых пальм, разных фруктовых деревьев и цитрусовых, к дому прилегало десять–двенадцать гектаров цитрусовых деревьев. Затем – поля сахарного тростника, подходившие к железнодорожной ветке, по которой тростник перевозили на сахарный завод»¹².

Уже значительно позже, в зрелом возрасте, словно чувствуя свою вину перед природой, Кастро–старший будет засаживать свою землю кедром. Любопытно, что первая книга о детстве и юношестве Фиделя Кастро вышла лишь в 2003 году к столетию со дня рождения его матери Лины Рус. В том, что такая книга крайне необходима, Фиделя Кастро убедил его друг – нобелевский лауреат Габриель Гарсиа Маркес. Эту идею он озвучил, когда приезжал в родное имение Фиделя на Кубу в 1996 году по случаю 70–летия команданте. Большой литературный труд почти в 500 страниц написала известная кубинская журналистка Катюшка Бланко, которая получила редкую возможность ознакомиться с десятками уникальных фотографий из семейного архива Кастро. Примечательно, что свое произведение Бланко назвала «Во времена кедров».

Впрочем, не «Манакас», а другому поместью «Сабаниль–яс» в Биране суждено было стать «родовым гнездом» Фиделя. Это место, в отличие от других угодий дона Анхеля,

¹² Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. М., 1995. С. 466.

было более живописным. Помимо хвойных пород, там высаживались кокосовые и апельсиновые деревья, что являлось исключительным случаем и неким элементом роскоши, учитывая тотальную «сахаризацию» острова.

Именно в «Сабанильяс», в весьма необычном для Кубы галисийском стиле, был построен дом, в котором 13 августа 1926 года родился будущий лидер кубинской революции. Дом этот настолько необычен, что о нем нельзя не рассказать поподробнее. Во-первых, он стоял на сваях, которые делались из очень твердого дерева, на эти сваи стелили пол. Все потому, что в Галисии зимой крестьяне держали домашнюю птицу, скот под домом в своеобразных загонах. Но в тропических условиях Кубы не это обстоятельство повлияло на выбор дона Анхеля. Участок земли, на котором он поселился с семьей, был под уклоном, а дом, построенный на сваях, позволял не выравнивать местность при закладке фундамента. Кроме того, такая конструкция позволяла расширять жилище семьи без ущерба для планировки, при помощи мансард и дополнительных помещений. Так, с годами, в некогда квадратном доме появились несколько дополнительных комнат, а в одну из пристроек была перенесена кухня. В этом «галисийском доме» была даже отдельная «лекарственная комната», в которой размещались полки с медикаментами. Над главным, квадратным, домом был еще один этаж, который называли башней, там спали дети.

В конечном итоге под домом на сваях образовалось довольно большое пространство, которое дон Анхель оборудовал под коровник. Фидель вспоминал, что туда вечерами отец загонял по 20—30 коров. (Дом в Биране сгорел в 1954 году и был восстановлен по фотографиям и воспоминаниям четверть века спустя.)

«...Метрах в шестидесяти от дома и недалеко от пекарни стояла начальная школа, маленькая общественная школа, у главной дороги – так называли земляную грязную дорогу, которая соединяла центр муниципии с усадьбой и шла дальше на юг, – за большим развесистым деревом помещалась лавка, наш торговый центр, который тоже принадлежал нашей семье, а напротив лавки были почта и телеграф. Это были основные постройки»¹³, – описывал свое «родовое гнездо» Фидель Кастро.

К тому моменту, когда родился Фидель, Анхель Кастро Архиз, разменявший шестой десяток, владел 10 тысячами гектаров земли (в том числе арендованной), став крупным латифундистом. Пастбища в Биране считались одними из самых лучших в провинции Ориенте. Это позволило отцу Фиделя развести около трех тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как его соседи использовали свои земли только для культивирования тростника и размещения сахарных заводов.

Будучи неграмотным, дон Анхель прилагал большие усилия, чтобы научиться всему. Именно у отца будущий революционер перенял способность идти вперед к осуществлению своей мечты, невзирая ни на какие трудности. Начав заниматься чем-то новым, Анхель Кастро полученную прибыль тут же откладывал для будущего дела. Поступательно двигался по социальной лестнице, при этом не позволяя себе послаблений.

В Биране проживало около тысячи человек, большинство из которых составляли выходцы из бедных латиноамериканских стран. Главным их развлечением, которое хоть как-то скрашивало беспросветное бытие, были петушиные бои, проводившиеся в Биране по воскресеньям, на Рождество и во время новогодних праздников. «В эти праздничные дни там собирались любители петушиных боев, некоторые приносили своих петухов, другие просто делали ставки, – вспоминал Фидель. – Многие бедняки теряли там все свои скромные средства, если проигрывали, а если выигрывали, то немедленно спускали все без остатка, пропивали, проматывали»¹⁴.

¹³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

¹⁴ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

Состояние позволило дону Анхелю построить не только дом в галисийском стиле, но и, как принято сейчас говорить, сопутствующую инфраструктуру: молочный заводик, мастерскую, скотобойню, свою хлебопекарню. Фактически весь поселок, носящий название Биран, за исключением маленькой начальной школы и почты, которые были государственными, находился в собственности дона Анхеля Кастро. Вполне естественно, что отец Фиделя пользовался там непререкаемым авторитетом и был самым уважаемым человеком. Впоследствии многие из тех, кто анализировал жизнь главнокомандующего, поражались метаморфозе – как сын крупного сельскохозяйственного буржуа стал самым главным революционером на Кубе.

В 2005 году на конференции «Диалог цивилизаций» в Гаване, куда было приглашено много российских гостей, Фидель Кастро произнес многочасовую речь, в которой сообщил немало интересных подробностей из своей жизни. В частности, он сказал: «...Когда Карл Маркс говорил, что частная собственность существует только при условии, что ее нет у девяти десятых населения, я мог это понять, поскольку родился в месте, где моему отцу принадлежало всё»¹⁵.

При этом Анхель Кастро никогда не отказывал в помощи людям, которые обращались к нему. Особенно это касалось рабочих с принадлежавших североамериканцам предприятий и ферм, располагавшихся рядом с его усадьбой. Эти люди трудились в значительно более тяжелых условиях, чем рабочие у Кастро. Он принимал на работу эмигрантов, которым отказывали в трудоустройстве другие землевладельцы. Помня о своем тяжелом прошлом, давал участки земли в Биране беднейшим семьям, чтобы те могли прокормить себя. Поэтому кощунственными выглядят воспоминания внебрачной дочери Фиделя Алины Фернандес, плода его связи с Нати Ревуэльта в 1950-е годы, которая явно решила привлечь интерес к своей персоне. В своей книге Алина Фернандес, в 1993 году бежавшая с Кубы в Испанию, а затем в США, представляет своего дедушку, дона Анхеля, чуть ли не сатрапом, всячески унижавшим наемных рабочих.

В отличие от матери Фиделя дон Анхель не был религиозным человеком. По крайней мере, Фидель не помнит, чтобы его отец как-то проявлял свою религиозность. «Можно сказать, что этого почти не было, – вспоминал Фидель. – Я не мог бы даже ответить на вопрос, был ли он на самом деле верующим. Моя мать – да, помню, она была очень религиозной, и моя бабушка тоже»¹⁶.

Мать Фиделя, крестьянка Лина Рус Гонсалес, была моложе дона Анхеля на 28 лет и работала кухаркой в его поместье. Она стала его второй женой. Первой его супругой была Мария Луиса Арготе Рейес. Она родила ему пятерых детей, из которых в живых осталось только двое – Лидия и Педро Эмилио. С ними дети от второго брака дона Анхеля, по признанию самого Фиделя, «хорошо ладили». Именно с Лидией, а не с родными братьями и сестрами он постоянно переписывался, когда находился в тюрьме после неудачного штурма казармы Монкада.

Ситуация с младенческой смертностью в те годы на Кубе была просто катастрофической, и вовсе не случайно одними из первых шагов Фиделя Кастро по приходу к власти станет борьба с неграмотностью и детской смертностью.

Полное имя команданте включает в себя фамилию отца и девичью фамилию матери и на самом деле звучит – Фидель Алехандро Кастро Рус, а не Фидель Кастро Рус, как его часто представляют официально. Второе, «дополнительное», имя – Алехандро, которое он добавил себе сам, является знаковым для Фиделя. Это был его псевдоним в 1950-е годы во время революционной борьбы. Кастро восхищался Александром Македонским, который, из иностранцев, наряду с Линкольном, является его любимым историческим персонажем. Примечательно, что

¹⁵ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

¹⁶ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

имена всех пяти сыновей Фиделя от последнего, не афишируемого, брака начинаются также на «А».

Лина Рус была кубинкой, родилась на западе острова, в провинции Пинар-дель-Рио в семье бедных крестьян. Ее отец возил сахарный тростник на буйволах. В самом начале XX века он со своей женой, дочкой и двумя сыновьями – также возчиками тростника перебрался в провинцию Ориенте, где и обосновался. И мама Фиделя, и его бабушка по материнской линии были очень набожными. Фидель вспоминал, как после победы революции, в 1959 году, приезжал в Биран их проведать. «Обе были дома, – рассказывал Фидель Кастро. – Бабушка болела, и комната была полна изображений святых, обвешанных дарами (речь, по всей видимости, идет о традиционных на Кубе оберегах и талисманах. – М. М.). Весь этот период борьбы, больших опасностей и моя мать, и моя бабушка давали самые разнообразные обеты, молясь за нашу (с Раулем. – М. М.) безопасность, и тот факт, что мы прошли через эту борьбу и остались в живых, несомненно должен был укрепить их веру. Я очень уважал их верования, они рассказывали мне о своих обетах, о их глубокой вере, все это было уже после победы революции, в 1959 году, и я всегда слушал их с большим интересом, с большим уважением. Хотя мое мировоззрение было иным, я никогда в жизни не спорил с ними на эти темы, потому что видел, какой опорой служили им религиозные чувства и вера, какие духовные силы, какое утешение они давали. Конечно, это была не строгая догматическая вера, а вера, им свойственная, семейная, традиционная, очень прочувствованная и глубокая, такими были их чувства»¹⁷.

Анхель Кастро уважал своего тестя и предложил ему переехать в новое, только построенное жилое здание в усадьбе в Биране. Бабушка нянчила грудного Фиделя.

Первый брак Анхеля Кастро дал трещину во многом из-за того, что его супруга сильно болела и категорически не хотела переезжать из местечка Гуаро в Биран, где Анхель Кастро затеял строительство новой усадьбы. В результате каждый день Кастро–старший, рискуя жизнью, так как это место пользовалось дурной славой из-за разбойников, был вынужден преодолевать на повозке 40 километров по разбитой дороге из Гуаро в Биран и обратно¹⁸.

Переезд Марии Луисы с двумя детьми еще дальше от Би-рана, в Сантьяго-де-Куба, способствовал окончательному разрыву отношений между супругами. Они уже давно не жили вместе, но первая жена дона Анхеля не давала ему развода, хотя Кастро–старший уже стал жить с Линой Рус Гонсалес. У дона Анхеля и Лины Рус родилось семеро детей: Анхела, Рамон, Фидель, Рауль, Хуанита, Эмма и Агустина. Хуанита не приняла революцию и в 1964 году эмигрировала в США, в Майами, где живут большинство выходцев из Кубы. После ее отъезда Фидель разорвал с сестрой всякие отношения.

Пять первых детей, в том числе Фидель – третий и Рауль – четвертый, родились, когда отношения дона Анхеля и Лины Рус не были скреплены узами брака, и считались незаконно рожденными. По этой причине церковь долгое время не хотела крестить Фиделя. Это произошло только в январе 1935 года. Священник принял во внимание, что и Лина Рус, и ее родители были очень набожными людьми.

Родители Фиделя Кастро вели довольно замкнутый образ жизни, отличавшийся от того уклада, который был свойствен представителям богатых сословий. Они почти никогда не ходили в гости и очень редко принимали гостей у себя дома. Все время работали по хозяйству. Напротив, дети дона Анхеля и Лины Рус часто общались с окружающими. Родители никогда не говорили им: «Дружи с тем, не дружи с этим». Фидель общался и с детьми гаитян, и с детьми креолов. Его главное воспоминание о детстве – чувство свободы, когда он мог делать все, что ему заблагорассудится. Мудрые родители предоставляли Фиделю много возможностей для саморазвития. При этом его воспитание не было пущено на самотек.

¹⁷ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 98—99.

¹⁸ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 10.

Фидель не любил говорить о знакомстве его отца и матери. Известно, что дон Анхель встретил свою будущую жену, молодую крестьянку, недалеко от имения, когда искал свою пропавшую лошадь. Лина Рус была неграмотна и, как отец Фиделя, научилась грамоте самостоятельно. Именно она привила маленькому Фиделю любовь к чтению. Лина, как настоящая мать и хозяйка, следила не только за тем, чтобы ее дети были одеты и накормлены, но и чтобы они получили достойное образование. Она была трудолюбива, прекрасно готовила, хорошо разбиралась в народной медицине. Соседи удивлялись, откуда у такой маленькой женщины столько энергии, как она успевает работать по дому, ухаживать за мужем и воспитывать детей. Лина Рус была довольно строгой, требовала от детей соблюдения порядка, дисциплины и гигиены.

В те годы на острове свирепствовали инфекционные болезни, самой распространенной и опасной была желтая лихорадка. Возбудитель ее, к слову, был открыт кубинским врачом в конце XIX века. Лина Рус боялась, как бы ее дети не заразились от детей бедняков. Нередко по возвращении домой ее отпрыски получали не только «дежурный, но мягкий подзатыльник», но и порцию народных средств, с тем чтобы промыть желудок. На одном из снимков из архива семьи Кастро Лина Рус, в очках, с весьма суровым видом держит в руках винтовку. Говорят, что, когда дети не слушались ее и запаздывали вернуться домой, выстрел «доброй мамы Лины» служил им сигналом для возвращения в усадьбу.

Лина Рус, несмотря на малообразованность и хрупкость, олицетворяла собой народную мудрость и основательность. Она молилась по четкам, повторяя «Аве Мария» и «Отче наш». Дом Кастро был полон изображений Пречистой Девы Милосердной, покровительницы Кубы, Иисуса Христа, святого Иосифа, других святых католической церкви. Молилась «истово, каждый день, всегда зажигая свечи перед Пречистой Девой». «Она просила их, – вспоминал Фидель Кастро, – молила при всех обстоятельствах, давала обеты, когда в семье кто-то заболел. В каждом трудном случае, и не только, давала обеты, но и выполняла их. Таким обетом могло быть, скажем, посетить храм Пречистой Девы Милосердной и поставить свечу, передать для кого-то определенную помощь, это бывало очень часто»¹⁹.

До того как ее дети, ставшие во главе новой Кубы, объяснили ей истинный смысл своей борьбы, Лина Рус считала революционеров и коммунистов чем-то вроде «нечистой силы». В своей книге «Гавана—Москва. Памятные годы» бывший посол СССР на Кубе Виталий Воротников вспоминает рассказ Рауля Кастро о материнском восприятии революции: «В одну из встреч Рауль, убеждая ее фактами наступивших на Кубе преобразований, улучшающих жизнь простых людей, что она воспринимала с одобрением, сказал, что это и есть реализация идей равенства, свободы, справедливости, проповедуемых коммунистами. И когда Рауль исчерпал все доводы, убеждая ее в обратном, то спросил: „Мама, как ты считаешь, я похож на тот образ, о котором вам прожужжали уши?“ Она ответила – ну что ты говоришь, сын? „Так вот, я и есть настоящий коммунист!“ Мама была в шоке, смеясь, закончил Рауль»²⁰.

Для кубинцев не представляет никакого секрета то, о чем они боятся сказать вслух, – о связи Фиделя с религией сантерия – смесью католичества и африканских верований. На Кубе уже давно ходит легенда о том, что в детстве тяжелобольного Фиделя спасли местные колдуны – сантеро, последователи языческой веры, которую завезли на Карибы их африканские предки. Дескать, они попросили защиты для Кастро у бога войны Аягуна, который и взял будущего вождя Кубы под свое покровительство²¹. О «заговоренности» Фиделя речь пойдет в других главах. Но информация о том, что он действительно был «заговорен» в детстве, в возрасте шести лет, когда медики, разведя руками, отказались его лечить, повторяется в различных интерпретациях в нескольких источниках.

¹⁹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

²⁰ Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 57.

²¹ Фиделя Кастро пытались убить 638 раз // Комсомольская правда. 2006. 9 августа.

Действительно, несколько человек, те, кто покушался на Фиделя и уже держал его на мушке, по необъяснимым причинам отказывались от своих планов убить команданте едва ли не в самый последний миг. Одному из них, который собирался выстрелить в него с расстояния полуметра, Фидель усмехнулся в лицо, после чего развернулся и спокойно пошел в другую сторону. (Даже друг Фиделя Кастро легендарный Габриель Гарсиа Маркес однажды обронил фразу по поводу «заговоренности» Фиделя: «Существует какой-то особый фактор, ускользающий от компьютеров ЦРУ. Возможно, здесь существует какая-то карибская магия». Но, повторимся, покушения на Фиделя и его «заговоренность» – темы отдельных глав, в которых читатель найдет немало любопытных фактов.)

Анхель Кастро Архиз умер 21 октября 1956 года, через два месяца после того, как Фиделю исполнилось 30 лет. Ан-хель Кастро внимательно следил за гражданской войной в Испании в 1936 году, однако идеи испанских республиканцев не поддерживал. Он был сторонником испанского диктатора Франко.

В 1930-е годы у дона Анхеля возникло новое политическое увлечение, вызывавшее раздражение у супруги. Он приводил в дом собеседников и спорил с ними до хрипоты на глазах маленьких детей о сути мирового устройства и особенно о событиях на его родине, в Испании. Мало того, что это сказывалось на экономике его хозяйства, которому глава семьи теперь уделял меньше внимания, страдал семейный бюджет. В дом Кастро зачастили разного рода проходимцы, журналисты, которые пытались выбить у дона Анхеля деньги на липовые политические кампании или заказные статьи. Они знали, что у прямого и открытого дона Анхеля, который с пол-оборота заводится на разговоры о политике и уж тем более о родной Испании, при удачном стечении обстоятельств можно попросить энную сумму песо. Без возврата. Будь то на выборы или на абстрактную «политическую деятельность». На выборы отец Фиделя «отстеги-вал» действительно большие по тем временам суммы. К тому же политики пользовались тем, что дону Анхелю не составляло труда убедить сотни рабочих, трудившихся у него в усадьбе, проголосовать за нужного кандидата.

Фидель Кастро чтит своего отца, считал его очень умным, предприимчивым человеком. Но утверждать, что Фидель находился под отцовским влиянием, было бы не совсем верно. По мере того как Фидель вырос, он уходил из-под опеки семьи. Его соратники вспоминали, что, получив в эмиграции известие о смерти отца, Фидель тяжело вздохнул и сказал: «Ну что ж! Мы не имеем права на слезы!» И это в тот момент, когда расплакались многие из товарищей Кастро, лично знавшие дона Анхеля и переписывавшиеся с ним.

Дон Анхель услышал знаменитую речь Фиделя «История меня оправдает», писал ему письма в тюрьму, дождался его триумфального выхода из ее застенков, но до победы кубинской революции, к сожалению, не дожил.

Впрочем, неизвестно, какой была бы реакция отца на то, что свершили его сыновья Фидель и Рауль, придя к власти:

Фидель Кастро издал декрет о передаче народу земли, и в первую очередь – угодий, которые его отец нажил буквально потом и кровью. Когда революция победила, он, выступая на телевидении, заявил, что является сыном землевладельца, эксплуататора. В результате мать Фиделя, его брат Рамон, а также сестры Анхела и Агустина были вынуждены спешно уехать из Бирана. А Хуанита и вовсе покинула страну.

Фидель Кастро родился 13 августа, под самым «властным» астрологическим знаком – в созвездии Льва. Людей, родившихся под этим знаком, отличают упорство, мужество, целеустремленность, уверенность в собственной правоте.

Здесь уместно сделать небольшое отступление. В ходе работы над этой книгой ее автор получил возможность ознакомиться с личными записями легендарного советского разведчика и дипломата, посла СССР на Кубе с 1962 по 1968 год Александра Ивановича Алексеева (Шитова). Именно этому человеку, у которого установились теплые товарищеские отношения

с Фиделем Кастро с 1959 года, принадлежит заслуга в установлении и развитии дружественных отношений между Кубой и СССР. Об этом речь идет в восьмой и девятой главах этой книги. В записях А. И. Алексеева я нашел удивительную и сенсационную деталь – признание посла в том, как ему удалось изменить дату рождения Кастро, под которой его знает сегодня весь мир: «При определении в начальную школу–интернат, когда Фиделю только исполнилось 5 лет, родители приписали ему лишний год, поскольку в школу принимались дети с 6–летнего возраста. Так появилась новая дата рождения – 13 августа 1926 года вместо 13 августа 1927 года, „состарив“ Фиделя на один год. Она стала переходить из документа в документ.

Мы в некоторой степени повинны в том, что способствовали утверждению этой даты. Впервые в официальной биографии Фиделя, опубликованной в советских газетах 28 апреля 1963 года по случаю его визита в Советский Союз, была названа дата его рождения: 13 августа 1926 года. Биография была подготовлена корреспондентом ТАСС Н. Чигирем и мной. Нам было известно о двух существующих версиях года рождения Фиделя. Так, в вышедшей в 1959 году книге писателя Г. Родригеса Морехона «Биография Ф. Кастро» утверждалось со ссылкой на церковную запись, сделанную при крещении, что Фидель родился 13 августа 1927 года.

При согласовании с Фиделем подготовленной нами биографии он проявил какую-то неуверенность и колебался точно назвать год своего рождения. Он начал вспоминать об одном из своих двоюродных братьев, который родился с ним в один год, и выходило, что вроде бы это было в 1927 году. Но, поскольку во всех документах, которыми пользовался Фидель, фигурировал 1926 год, как год его рождения, Фидель попросил оставить его и в подготовленной нами биографии для советских газет. Так утвердилась эта дата не только в Советском Союзе, но и во всех социалистических странах, и таким образом стала общепризнанной.

Фидель в молодости не обращал никакого внимания на возникшее недоразумение, так как никогда не отмечал своего дня рождения. Но вот после революции его положение изменилось. И когда в августе 1959 года возник вопрос о том, чтобы отметить предстоящий день его рождения в прессе, Фидель категорически запретил это делать, сказав, что день рождения – событие семейного характера и недопустимо использовать его публично для восхваления юбиляра. Надо учесть, что в 1959 году подавляющее большинство газет находилось в руках буржуазии, и Фидель понимал, что комплименты в его адрес от противников революции могут ввести в заблуждение массы трудящихся»²². А. И. Алексеев также отмечал, что после победы революции кубинская пресса не отметила ни одного дня рождения Фиделя Кастро, в том числе и пятидесятилетия.

Не менее интересна история, рассказанная самим Фиделем Кастро бразильскому священнику брату Бетто о том, как его крестили. Фидель признался, что до этого момента у него... вообще не было имени.

В те годы крещение было очень важной церемонией на Кубе. На острове на фоне высокой детской смертности была крайне низкой продолжительность жизни кубинцев в сельской местности. Поэтому тогда почти в каждой крестьянской семье считали, что крестный – это второй отец ребенка, который поможет ему, если родной отец умрет. И в качестве крестника детям подыскивали не только близких и надежных, но и обеспеченных людей. Причем нередко давая детям имена таких людей. Вот и для Фиделя подыскивали в качестве крестного друга его отца, миллионера. Тогда миллион был действительно миллионом – дневной заработок кубинского рабочего был меньше доллара. Этого человека звали Фидель. И именно это имя решили дать мальчику в честь «богатого дяди».

Но долгое время его не могли окрестить. Во–первых, второй сын дона Анхеля был незаконнорожденным. Во–вторых, в Биране не было церкви и священник приезжал туда по большим праздникам. Как правило, на Рождество, которое, как известно, как день рождения, отме-

²² Из личных записей А. И. Алексеева.

чается один раз в год. В результате долгое время мальчик был не только некрещеным, но и человеком без имени. «Никак не получалось, чтобы тот богач и священник приехали в Биран одновременно, и в результате, в ожидании этого события, я жил некрещеным, и, помню, меня называли евреем – „худио“. Говорили: „Это еврей“. Мне было четыре–пять лет, и меня порицали, говоря, что я еврей. Я не знал, что такое еврей, но несомненно, мне говорили это в укор, было вроде как стыдно жить некрещеным, хотя я тут был совсем не виноват»²³, – рассказывал Фидель Кастро. В итоге среди всех братьев и сестер его окрестили самым последним. Это произошло, когда Фидель уже уехал из Бирана в Сантьяго–де–Куба.

Любопытно, что имя Фидель на испанском языке перекликается с двумя ключевыми понятиями: «фе» – вера и «фиделидад» – верность. «Одни верят в Бога, у других – иная вера, но я всегда был человеком, полным веры, доверия, оптимизма»²⁴, – говорил Фидель Кастро брату Бетто.

Судьба приготовила Фиделю Кастро первое испытание, когда ему еще не было и четырех лет. Впоследствии десятки раз он будет оставаться один на один с самыми тяжелыми обстоятельствами, не тушуясь и помня об уроках, полученных в детстве. Родители, которые весь день были заняты работой в усадьбе, отдали Фиделя, Рамона и Анхел в общественную школу Бирана, куда ходили 15—20 детей. Среди учащихся они оказались единственными выходцами из обеспеченной семьи. Другие школьники были детьми бедняков. Конечно, никому и в голову не приходило обижать сына крупного землевладельца и авторитетнейшего человека в округе. Наоборот, дети понимали, что Фиделю, самому маленькому из учеников, приходилось тяжелее всех. Фиделя посадили за первую парту, и он внимательно слушал и запоминал все, что говорила учительница Эуфросия Фелию. Он во всем брал пример со своих старших товарищей, но и не стеснялся заявлять о себе при случае. Эуфросия Фелию часто приходила к Кастро домой, обедала вместе с семьей и хвалила Фиделя. Спустя всего несколько месяцев, благодаря прилежанию и упорству, он стал одним из лучших учеников в классе.

В школе были строгие порядки. Детей часто наказывали за провинность, а злостных нарушителей дисциплины даже ставили на колени, предварительно насыпав на пол зерна кукурузы. Уже в раннем возрасте у Фиделя проявилось обостренное чувство справедливости. Он решительно протестовал, когда учителя чересчур строго наказывали детей из бедных семей, а ему делали поблажки.

Несмотря на то, что Фидель был младше одноклассников, он ничуть не уступал им в выносливости и физической силе. В свободное от учебы и детских забав время Фидель любил играть с четырьмя своими собаками. Любопытно, что одну из них звали Наполеоном.

Уже в детстве Фидель проявлял интерес к военным сражениям. Когда ему было девять лет, он заинтересовался войной в Эфиопии, которую развязали там итальянцы, позже – войной в Испании. Фиделя очень притягивали личности Наполеона и Александра Македонского. В общем, как и многим мальчишкам, ему нравились удачливые полководцы.

Когда Фиделю было 13 лет, он присоединился к небольшому стихийному бунту, который подняли в Биране бедняки. Известный французский публицист и главный редактор журнала «Монд дипломатик» Игнасио Рамонет на основе бесед с Кастро в 2004—2005 годах написал книгу «Сто часов с Фиделем». Он спросил у команданте: «Выходит, что в свое время вы восстали против отца, так как он был сторонником капиталистических ценностей?» Кастро пояснил: «Я не восставал против отца. Это было трудно сделать, так как мой отец был очень добрым и сердечным человеком. Я восстал против власти». «Вы не выносили власть?» – «Чувство неприязни власти появилось, когда мне было шесть–семь лет»²⁵, – сказал Фидель.

²³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 76.

Отвечая на вопрос Рамонета, что еще повлияло на формирование его личности в детстве, Фидель сделал одно весьма важное признание: «Мне повезло, что я был сыном землевладельца, а не его внуком. В противном случае, я бы уже родился в аристократической семье, где бы меня окружала атмосфера сытости, достатка и благополучия. А я вырос в обстановке, когда меня окружали представители бедноты, моими друзьями были дети из малообеспеченных семей, по линии матери все родственники были так же бедными, как и родственники отца, приехавшие к нам из Галисии. Наверное, на меня особенно повлияло то, что народ, окружавший меня в детстве, был беден и обездолен. Я вспоминаю неграмотных и безработных людей, которые стояли в очередях, чтобы устроиться на работу. И никто не предлагал им ни воды, ни еды. ... У многих из них не было даже обуви. Друзья, с которыми я в детстве играл в Биране, в основном были босоногой голытьбой. С ними я всегда делился едой, которую мне давали в доме. Мы вместе бегали на речку, катались на лошади, баловались, кидались камнями, охотились на птиц»²⁶.

«Я учился в религиозных школах. Так что я не родился в пролетарской колыбели, – рассказывал Фидель участникам конференции „Диалог цивилизаций“ в Гаване в 2005 году. – Если бы я не был сыном землевладельца, я не смог бы учиться, а если бы не смог учиться, тогда у меня не было бы убеждений, у меня не было бы дела, которое надо защищать. Я должен быть благодарен тому обстоятельству, что смог чему-то научиться, не быть политическим неграмотным. Свою политическую неграмотность я ликвидировал сам, потому что научился иметь идеи. Хотя нет, не так – потому что я был сыном, а не внуком землевладельца; мне не довелось вести буржуазную жизнь в аристократическом районе, где из меня сделали бы самого ярого реакционера из всех, когда-либо существовавших в этой стране, поскольку в том или ином направлении я бы не остановился на полпути»²⁷.

В шесть лет, по инициативе той самой учительницы Эуф-росии Фелию, которая приходила обедать в семью Кастро, Фиделя отправили учиться в Сантьяго-де-Куба. Ее отчий дом был в Сантьяго, а на время учебного года она переезжала в Биран. Она убедила родителей Кастро, что умный и смывленный мальчик, поражающий взрослых феноменальной памятью, непременно должен развиваться. Учительницу поддержала мать, донья Лина, которая страстно желала дать своим детям достойное образование.

Обучение в начальной школе, которая больше напоминала «продвинутый детский сад», закончилось. На семейном совете было принято решение отправить в Сантьяго-де-Куба не только Фиделя, но и дочь Анхел. На содержание каждого из детей дон Анхель выделял по 40 песо в месяц. Позже к ним присоединился Рамон, и теперь отец выделял семье учительницы на пропитание и проживание детей уже 120 песо, что примерно соответствует, по словам самого Кастро, трем тысячам долларов в нынешнем эквиваленте²⁸.

И сам город (раньше Фидель никогда не выезжал за пределы Бирана), и нравы, царящие в нем, потрясли маленького мальчика. «Меня вырвали из моего мирка, где я жил без всяких материальных забот, и отвезли в город, где начались лишения и голод», – вспоминал об этом периоде детства Фидель Кастро²⁹.

В то время на Кубе были частыми ночные облавы, которые проводила полиция в поисках активистов из числа студентов и профсоюзных деятелей. Однажды в Сантьяго-де-Куба Фидель стал свидетелем жестокого избиения патрулем военных моряков группы студентов³⁰.

Поселились Фидель и Анхел у своей учительницы. Она жила вместе с вдовцом-отцом, имевшим гаитянские корни, и двумя сестрами. Одна из ее сестер давала уроки игры на пиа-

²⁶ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 78.

²⁷ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

²⁸ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 94.

²⁹ 1 Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100—101.

³⁰ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 14.

нино, другая была врачом. Вскоре последняя умерла. Жили эти люди в деревянном доме, в бедном районе Тива-ли. Домик был маленький и обшарпанный. Потолки были в трещинах, и когда начинался дождь, по словам Фиделя, «все ходили мокрыми, и воды было гораздо больше внутри дома, чем на улице». В доме было проведено электричество, но семья из-за недостатка средств была вынуждена использовать керосинки. «Было понятно, что в такой бедности, когда они (другие члены семьи. – М. М.) не получали жалованья и старались экономить, на еду оставалось очень мало. Нас там питалось пять человек, а позже шесть, потому что через несколько месяцев приехал мой брат Рамон... На каждого приходилось по горстке риса, фасоли, бататов, бананов и тому подобного. В середине дня покупали обед в судках, которого должно было хватить сначала пятерым, а потом шестерым, на утро и вечер. Тогда я думал, что у меня слишком большой аппетит, еда казалась мне замечательной, а на самом деле я был просто голоден. Да, мне пришлось нелегко»³¹, – вспоминал Фидель Кастро.

Правда, не все было так плохо. С балкончика дома, который находился неподалеку от бухты Сантьяго, открывался живописный вид на море и на горы Сьерра-Маэстра. Поблизости на небольшой площади была лавка, где продавали «туррон» – лакомство, похожее на халву с орехами. На другой стороне площади находился большой красивый дом, когда-то принадлежавший местному богачу, арабу Иди. Впоследствии в этом доме разместилась школа, которую во время диктатуры президента Мачадо заняли военные. В память Фиделя врезалась сцена, когда солдаты избили ни в чем не повинного прохожего. Такие случаи были нередки³². К слову, режим Мачадо оказался одним из самых тиранических, какие только знала Куба за всю свою многострадальную историю. Мачадо сам лично «поправил» Конституцию страны, «разрешив себе» переизбрание на новый срок.

Итак, семья, где жил Фидель, была малообеспеченной, экономила на еде. Такие условия были непривычными для ребенка, привыкшего жить в достатке. К тому же в стране во время диктатуры Мачадо в 1931—1932 годах разразился тяжелейший экономический кризис. Впоследствии Фидель признавался, что «впустую потерял эти два года своей жизни». Единственным полезным занятием в то время для него стало самостоятельное изучение таблиц умножения. Сестра учительницы заставляла Фиделя заучивать таблицы сложения, вычитания, умножения и деления, напечатанные на обложке тетради. Это была обычная зубрежка. «Я знал их наизусть, похоже, выучил так крепко, что больше никогда не забыл. Иногда я считаю почти так же быстро, как на компью-тере»³³, – говорил Фидель Кастро.

Однажды в дом учительницы приехал навестить своих детей дон Анхель. Он ужаснулся, увидев детей нестриженными, неухоженными, и это несмотря на то, что родители выплачивали учительнице солидную сумму на их содержание. Оказалось, что учительница тратила эти деньги на личные нужды: на туристическую поездку в США, на новую мебель и пр. Все это вскрылось, когда Фидель с братом и сестрой приехали на каникулы в Биран.

Лучше бы Фидель не знал об этом. Поступок учительницы до глубины души потряс мальчика. Они с Рамоном решили отомстить ей. Залезли на крышу дома, соседствовавшего со школой, и в течение получаса бомбили камнями оцинкованную крышу над кабинетом, где преподавала Эуф-росия Фелию. Кастро невозмутимо признавался, что «сила ударов была такова, что криков испуганной учительницы было практически не слышно»³⁴.

В итоге мать и отец были вынуждены на время забрать Фиделя домой, но позже он сам и «раскаившаяся» учительница все же настояли на том, чтобы вернуться в Сантьяго-де-Куба и продолжить учебу. Рамон остался в Биране, так как врачи обнаружили у него астму.

³¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 101.

³² Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 82.

³³ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 108.

³⁴ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 95.

Тем временем на Кубе пала диктатура Мачадо. Временным президентом страны стал доктор Карлос Мануэль де Сеспедес–Кесада, почти полный однофамилец «отца кубинской нации» Мануэля де Сеспедеса. Однако 4 сентября 1933 года группа молодых солдат и офицеров под руководством сержанта Фульхенсио Батисты и при поддержке студенчества осуществила еще один переворот, который они называли «революцией», а в народе именовали «заговором сержантов». Отстранив от командования старших офицеров, они свергли президента Сеспедеса. На его место пришел Рамон Грау Сан–Мартин, профессор физиологии Гаванского университета.

Позднее доктор Грау стал основателем Кубинской революционной партии. Но Соединенные Штаты наотрез отказались признать нового президента и правительство, что, в свою очередь, повлекло экономическую катастрофу для Кубы. 80 процентов сахарного экспорта страны приходилось на долю северного соседа, а сахар был основой экономики острова. Уже в начале 1934 года «король кубинских переворотов» и будущий главный враг Фиделя Фульхенсио Батиста добился того, что доктор Грау ушел в отставку, апеллируя к тому, что, пока тот будет оставаться на своем посту, сахарный рынок США будет недоступен для кубинцев. В отличие от Грау новый президент, полковник Карлос Мендьета Монтефур, был сразу же признан американцами. Именно при нем была де-юре отменена поправка Платта. Но это была чистая формальность, так как американцы и без нее практически полностью контролировали все сферы жизнедеятельности острова.

Когда Фиделю Кастро исполнилось семь лет, его определили в первый класс салезианского колледжа «Братьев Ла Саль». (Салезианцы – католический монашеский орден, избравший своим покровителем святого Франциска Сальско–го, который жил в конце XVII – начале XVIII века. Целью ордена являются образование и воспитание детей. Салезианцы придерживаются принципа, что грех прощше не допустить в сердце ребенка, чем его потом искоренять во взрослой жизни.)

Теперь Фидель жил в семье посла Гаити на Кубе, Луиса Ибберта. Рано утром он шел в школу, находившуюся в шести–семи кварталах от дома, затем возвращался, обедал и шел опять в школу учиться во вторую смену. Уже в первом классе Фидель постиг основы религии, катехизис. Несмотря на всю серьезность предметов, учиться Фиделю нравилось, так как он теперь общался с людьми, а не сидел один дома перед тетрадкой с арифметикой.

Консул Гаити женился на сестре Эуфросии Фелию, той, что преподавала игру на фортепиано. Их роман завязался на глазах мальчика, еще когда тот проживал в доме своей учительницы. Консул взял в свой дом всю семью молодой жены. Вместе с ними переехал туда и Фидель.

Именно гаитянский консул и его жена повели Фиделя крестить в собор Сантьяго–де–Куба, когда тому исполнилось восемь лет. Таким образом, получилась интересная ситуация. Крестным Фиделя «по имени» стал близкий друг дона Анхеля, один из местных богачей, Фидель Пино Сантос, а реальными крестными были консул и его жена. День святого Фиделя приходится на 24 апреля, а Фидель Кастро родился 13 августа, которое считается днем святого Ипполита. «Справедливый случай может помочь получить человеку подходящее имя. Это было единственное справедливое из всего, что я получил в тот период»³⁵, – говорил впоследствии Фидель Кастро.

Фидель Кастро был в колледже так называемым приходящим учеником – не жил в интернате, как большинство других детей. В новом доме Фидель встретил три Рождества. Он называл этот день «Праздником волхвов».

«По эту сторону Атлантического океана, как во многих других местах мира, дети с нетерпением ожидали каждого 6 января, собирая достаточно травы для верблюдов волхвов. Я сам в течение первых лет моей жизни тоже разделял эти ожидания, прося невозможного у богатых

³⁵ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 103.

волхвов, будучи во власти тех же иллюзий, что и некоторые соотечественники, ожидающие чудес от нашей напористой и достойной революции»³⁶, – вспоминал спустя много лет Фидель Кастро.

Он полюбил музыку, которая целый день звучала в доме в исполнении его крестной, но играть на музыкальных инструментах из-за нехватки времени так и не научился, о чем позже сожалел, ведь на каждое Рождество ему дарили новый музыкальный инструмент, причем все время это были корнеты разных моделей. В доме консула его поселили в коридорчике, который выходил на задний двор. По ночам в Сантьяго часто гремели взрывы, и Фидель, тогда еще не знавший, по какой причине это происходит, боялся, что одна из бомб угодит во двор дома или залетит в окно.

Консул требовал от Фиделя беспрекословного послушания, при малейшей провинности наказывал подзатыльниками, грозясь отправить в интернат, где порядки были еще строже. От Фиделя всегда требовалось быть вежливым, говорить только по делу, нельзя было повышать голос. Маленький бунтарь нарочно нарушал дисциплину и провоцировал крестного. Однажды пришел домой и стал нарушать все правила: говорил громко, да еще «неположенные слова». Это был самый первый «мятеж» юного Фиделя Кастро. И он добился своего.

В итоге консул отправил Фиделя в интернат. «Для меня было огромным счастьем жить в интернате, каждый день ходить к морю и чувствовать себя свободным, удить рыбу, плавать, гулять, заниматься спортом, и то же по воскресеньям. Все это меня больше интересовало, больше увлекало»³⁷, – вспоминал Фидель.

Позже в интернат приехал его брат Рамон, а через пару лет и младший – Рауль. История его появления там необычна. В «Ла Саль» Рауль поступил, когда ему было четыре с половиной года. Он приехал туда с матерью, чтобы навестить старших братьев, и устроил истерику, не желая возвращаться в Биран, – так ему понравилось в школе. Мать вынуждена была пойти навстречу младшему сыну. Его поселили в четырехместной комнате вместе с Рамоном, Фиделем, а также с сыном директора одной иностранной компании. Обычно над Раулем подшучивали другие ученики, и на первых порах за него заступался Рамон, который был старше всех.

Однажды, когда ребята вернулись на каникулы в Биран, Фидель попросил разрешения у родителей «быть ответственным за Рауля» в колледже. Получив отцовское согласие, Фидель стал своеобразным куратором младшего брата.

Помимо гуманитарных наук, к которым с раннего детства тяготел будущий команданте, Фидель проявил большой интерес к спорту. Именно спорт, а не музыка и танцы, стал главным увлечением Кастро в свободное время. В этом отношении он был «нетипичным кубинцем», который может провести день, танцуя и веселясь. Больше всего Фидель Кастро любил играть в футбол, баскетбол и конечно же бейсбол, который благодаря американцам стал самым популярным видом спорта на острове.

Впоследствии, в годы революции, Фидель Кастро будет уделять особое внимание развитию физической культуры и спорта, который считался элитным при прежнем режиме. «Что я действительно знаю – так это число медалей, полученных кубинскими спортсменами; в спорте Куба имеет самое большое число золотых медалей на душу населения, олимпийских медалей всех видов»³⁸, – говорил он.

Фидель выделялся во всем: и в игре в бейсбол, и в плавании, и в боксерских поединках. Его успехам способствовало то, что он рос на природе и, постоянно находившийся в движении, отличался физическими данными и выносливостью. Фидель по натуре не был задиристым, но,

---

³⁶ Дар волхвов. Из цикла статей «Размышления главнокомандующего». 2008. 14 января.

³⁷ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 113.

³⁸ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

как известно, в подростковой среде драки с целью выяснения, кто прав, а кто виноват, обычное дело. Старшеклассники нередко пытались поставить на место непокорного Фиделя и часто провоцировали его, зная, что парень непременно ответит. Бывало, нападали на него исподтишка. Тогда Фидель на следующий день отлавливал обидчиков, предпочитая разбираться с ними по-честному. Вступался, если старшие обижали кого-то из младших, горюю стоял за Рауля.

Сверстников поражало, что Фидель мог тренироваться до иступления, пока как следует не отработает технику удара или броска. Атмосфера среди подростков в самом колледже была отвратительной. Отпрыски из богатых семей любили бравировать друг перед другом положением и состоянием родителей. Фидель, которому претили высокомерие и бахвальство, всегда уходил от подобных разговоров.

Преподаватели, в свою очередь, относились к воспитанникам в зависимости от «благополучия их родителей». Зная о том, что отец Фиделя является крупным латифундистом, они пытались «подружиться» с братьями Кастро. Однажды Фидель упомянул, что его отец зарабатывает до 300 песо в день. Рауль Кастро вспоминал, что на следующий день отношение к нему и его братьям со стороны директората, учителей, учеников поменялось на 180 градусов: из презрительно-высокомерного превратилось в уважительно-подобострастное³⁹.

Два раза в неделю учеников вывозили на берег моря, где колледжу принадлежала специальная площадка. Увлечение подводным плаванием и подводной охотой Кастро сохранил на всю жизнь, погружался в глубины даже в преклонном возрасте. А в самом колледже был хороший плавательный бассейн. Во время первого посещения бассейна Фидель сразу решил отличиться. Забрался на самый высокий трамплин и сиганул с него ногами вниз, чем изрядно напугал окружающих. Позже он признавался, что в тот момент даже не подумал о том, что может разбиться. Он с детства не боялся воды, научился плавать еще в Биране. Вместе с детьми из бедных семей братья Кастро часто проводили время на речке.

Однажды тренер по подводному плаванию отстранил двух учеников от тренировки за какой-то проступок. Фидель спросил его: «Вы можете смягчить наказание, если я прыгну с самого высокого трамплина в воду?» Тренер, улыбнувшись, кивнул. Фидель забрался на самый высокий трамплин и прыгнул вниз. Когда Фидель, долго не появлявшийся из воды, показался на поверхности, то утонул в объятиях и овациях одноклассников, а двое наказанных ребят были прощены⁴⁰.

Но не все учителя были такими, как тренер по плаванию. Некоторые из них имели обыкновение бить учеников. Сам Фидель впервые столкнулся с подобными методами воспитания. И это повлияло на его учебу. «В первый раз в жизни брат инспектор, следящий за учениками, ударил меня и довольно больно, – вспоминал Фидель. – Он дал мне две увесистые пощечины, по одной и по другой щеке. Это было недостойно и грубо. Я был, кажется, в третьем классе. Обида затаилась у меня внутри. Позже, уже в пятом классе, он в двух случаях стукнул меня по голове, последний раз я не стерпел, и все окончилось яростной стычкой между инспектором и мною. После этого я решил не возвращаться в школу»⁴¹.

Проучившись в колледже салезианцев четыре года, Фидель перешел в школу «Долорес», принадлежавшую ордену иезуитов, школу более престижную, более высокого класса. Там учились только белые дети из обеспеченных семей. Сначала ему не нашлось места в интернате, и он был вынужден временно проживать в доме еще одного друга своего отца, тоже коммерсанта. Позже Кастро вспоминал, что часто сталкивался с непониманием членов этой семьи. Они не просто приютили мальчика. Отец Фиделя «отстегивал» им на содержание сына сумму

³⁹ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 15.

⁴⁰ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 16.

⁴¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 116—117.

отнодь не меньшую, чем семье биранской учительницы. «Это была чужая семья, они не могли заботиться обо мне, как о своем, и устанавливали порою строгие, иной раз даже произвольные правила, – вспоминал Фидель Кастро. – Например, они не учитывали, что у меня были трудности в прежней школе, <...> не учитывали психологических факторов, того, что мне надо было привыкнуть к новой школе, к новым учителям, к новому заведению, где требования были выше, чем в прежнем, и хотели, чтобы я получал самые лучшие отметки, настаивали на этом, а если я не получал наивысших баллов, они не давали мне еженедельного минимума, а это были десять сентаво на кино, пять сентаво на мороженое после кино в конце недели и пять сентаво по четвергам, чтобы купить комиксы»⁴².

Едва начался новый учебный год, Фиделя, которому исполнилось одиннадцать лет, положили в больницу. У мальчика случился острый приступ аппендицита с осложнениями, и ему пришлось пролежать в больнице целых три месяца. В итоге он начал свой учебный год с конца первой четверти.

С шестого класса Фидель стал жить в школьном интернате. В «Долорес» нравы и порядки были строже, чем в колледже «Ла Саль», но ученики имели возможность изучать не только религию. «Ты приобретал там определенные этические нормы, определенные правила, не только нормы религиозные, там ты ощущал влияние в плане человеческом – престиж преподавателей, их мнения, их оценки всего вокруг. Они поощряли занятия спортом, экскурсии в горы, а я как раз любил спорт, экскурсии, походы, подъем в горы, все это очень привлекало меня. В иных случаях я заставлял всю группу ждать меня по два часа, потому что залезал на гору. Меня за это не бранили, если причиной моего опоздания было нечто, требовавшее больших усилий с моей стороны, они видели в этом доказательство предприимчивого и упорного духа, если дело было рискованным и трудным, они не расхолаживали нас»⁴³, – рассказывал Фидель Кастро бразильскому священнику брату Бетто.

Гораздо позже Фидель по-другому говорил о годах обучения в колледже: «Я учился в религиозных школах, критиковал и все еще могу критиковать форму, в какой меня учили религии, очень догматически. Люди не рождаются одинаковыми, и у каждого есть свой характер, свой образ мыслей. Я отвергаю все, что мне пытаются навязать или во что меня заставляют верить, не убедив в том, во что меня хотели бы заставить поверить. Так каждый реагирует на свой лад»⁴⁴.

В те годы Фидель увлекся альпинизмом. Он нравился ему не только как вид спорта, но и как способ познания природы. Позже он скажет, что, когда видел гору, она словно дразнила его и им овладевала мысль влезть на эту гору, достичь вершины. Фиделя называли лучшим альпинистом–первопроходцем школы, и это было его первое «почетное звание» в жизни. Он также был признан лучшим спортсменом колледжа.

Но занятия спортом не мешали талантливому парню учиться. Он получал хорошие и отличные оценки на экзаменах. По-прежнему обожал книги, читал до двух–трех часов ночи, украдкой, под одеялом. И конечно же, как и у большинства подростков, доминирующей его потребностью было самоутверждение. Для Фиделя проблемный возраст – с 12 до 15 лет – проходил безболезненно, в первую очередь из-за того, что он пользовался большим уважением учеников школы. Хотя добиться этого было непросто. Его одноклассниками были не простые и доброжелательные дети бедняков, как в родном Биране, а выходцы из богатых семей, точнее не просто из богатых, а из исключительных семей, династий богачей.

⁴² Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 119.

⁴³ Там же. С. 122.

⁴⁴ Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизации. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

В некоторых источниках говорится, что в школе Фиделя называли *loco* (по-испански – сумасшедший). Но не потому, что у него были проблемы с головой и какие-то экстремальные повадки. Просто иногда он решался на такие рискованные и отчаянные поступки, на которые не были способны другие ученики. Потому и говорили о нем не презрительно-высокомерно, а с уважением, мол, глядите, какой необычный парень, то, что сделал Фидель, никому повторить не под силу.

16 июня 2004 года одна из известных западных информационных корпораций Би-би-си выступила с сенсационным сообщением. Будто бы в 1940 году 14-летний мальчик по имени Фидель Кастро написал письмо президенту США Франклину Рузвельту с просьбой выслать ему на Кубу десятидолларовую банкноту. В те годы, перед Второй мировой войной, американский Белый дом часто получал письма от детей из бедных стран, содержащие какие-нибудь просьбы. «Я никогда не видел зеленую американскую банкноту в 10 долларов, но мне очень хотелось бы, чтобы она у меня была», – рассказывал Фидель. Архивисты, а следом за ними журналисты утверждали, что в письмо был вложен конверт с обратным адресом колледжа «Долорес» в Сантьяго-де-Куба, где Фидель в то время учился. Это письмо затерялось в американских архивах, спустя много лет на него совершенно случайно наткнулся один из исследователей.

Позже в беседе с Игнасио Рамонетом Фидель подтвердил, что действительно в 1939 году направил письмо президенту США Рузвельту. В нем он написал, что изучает английский язык, обычаи американцев, и попросил выслать ему «десятидолларовую зеленую купюру». Канцелярия президента США прислала ему формальный ответ, который тем не менее вывесили на школьном стенде в «Долорес». «Некоторые говорят в шутку, что если бы тогда Рузвельт прислал мне десятидолларовую купюру, то я не создал бы столько проблем для руководства США»⁴⁵, – иронизировал Кастро.

В 1942 году Кастро переехал в Гавану, где поступил в иезуитский колледж «Белен». Это была самая сильная иезуитская школа страны, которая после победы революции превратилась в технологический институт. В «Белене», где обучалось около тысячи учеников и из них было около 200 приезжих, Фиделю предстояло провести три года, чтобы завершить обучение в средней школе и подготовиться к поступлению в Гаванский университет. Плата за обучение составляла около 50 долларов в месяц, что было значительно выше прожиточного минимума на Кубе тех лет. Здесь Фидель также быстро выдвинулся в число лучших учеников по всем видам спорта, возглавив «группу разведчиков». Так в то время в «Белене» называли ребят, которые занимались альпинизмом и которым учителя ставили задание исследовать неизвестные горные маршруты и вершины. Позже эти навыки пригодятся Фиделю Кастро во время партизанской войны в горах Сьерра-Маэстра.

Выпускники этого учебного заведения, которое курировалось лично архиепископом Гаваны, как правило, продолжали учебу в столичном университете. Именно здесь формировалась будущая элита Кубы. В «Белене» Фидель не был лучшим учеником, однако в его аттестате были «отличные» и «хорошие» отметки. Причем Кастро часто получал высшие отметки по самым трудным предметам. Так, например, был единственным учеником, который получил 90 баллов по географии – самую высокую оценку по предмету. Учителя часто приводили его в пример другим детям. В этой школе, а точнее в интернате, где он жил, у Фиделя была своя «ответственная должность». Он отвечал за комнату для самостоятельных занятий, где ученики оставались позаниматься до отбоя.

И в «Долорес», и позже в «Белене» ученикам нужно было каждое утро ходить к мессе. У Фиделя было много друзей среди священников. Один из них, отец Вьеренте, который во время войны в Испании служил санитаром, рассказывал Фиделю, что после войны там расстреливали

⁴⁵ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 119.

десятки тысяч людей, и он должен был освидетельствовать их на предмет смерти. Фидель тогда сделал для себя вывод, что весь католический мир в Испании делился на тех, кто был за Республику и против нее, причем последних было немало. Все без исключения преподаватели в «Белене» были националистами, если не сказать прямо франкистами, и много рассказывали детям об ужасах Второй мировой войны, о расстрелянных франкистах и священниках, практически не упоминая об убитых республиканцах и коммунистах в Испании и Европе.

Любопытно, что Фидель Кастро, который слывет непревзойденным оратором современности, не сразу научился красноречию. В «Белене» была литературная академия, но, чтобы туда поступить, надо было говорить подряд 10 минут без бумажки. Тему ученикам давали за час до выступления. В это трудно поверить, но Фидель пробился в число слушателей литературной академии только на четвертый раз. Возможно, именно этот случай, в конце концов, подстегнул будущего главнокомандующего на ораторские подвиги.

Его многочасовые речи в середине повествования подчас производили впечатление потока сознания. Кажется, что Фидель как бы отталкивался от заданной темы и от главного тезиса и пускался в плавание по «водам бессвязного повествования». Но это не так. В конце своего выступления он обязательно возвращался к тезисам, озвученным в начале, и путем неоспоримых фактов многократно усиливал их.

«Патриа о муэрте! Родина или смерть!», «Венсеремос! Мы победим!» – так неизменно заканчивались выступления Кастро. Фидель, как пламенный глашатай революции, использует любимый многими поэтами прием – играть на контрастности, на противоречиях, на извечном противостоянии любви и ненависти, жизни и смерти.

В «Белене» главными спортивными увлечениями Фиделя стали бейсбол и баскетбол. Однажды, приехав на каникулы в родной Биран, он привез с собою несколько баскетбольных мячей, комплекты спортивной формы и умудрился создать из числа сверстников–приятелей настоящую баскетбольную команду! На последнем году обучения в «Белене» Фидель был включен в сборную команду всех колледжей Кубы, которая носила громкое название «Звезды баскетбола».

В то время на Кубе курс среднего обучения составлял тринадцать лет. По его окончании, в 19 лет, Фидель Кастро получил в «Белене» следующую характеристику: «Отличался во всех дисциплинах. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих товарищей. Он намерен изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель – это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется»⁴⁶.

Подводя итоги детско–юношеского периода жизни будущего кубинского лидера, можно сделать главный вывод. Сначала в салезианском, а затем в двух иезуитских колледжах Фиделю Кастро привили умение находить выход из сложных ситуаций и дали необходимые знания для поступления на юридический факультет Гаванского университета. Именно в эти годы сформировались такие качества будущего команданте эн хэфэ, которые с блеском проявятся в будущем: несокрушимая вера в успех своего дела и обостренное чувство справедливости.

---

⁴⁶ Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 23.

Глава третья

ДОН КИХОТ ИЗ ГАВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гаванский университет был не только кузницей кадров для политической и экономической элиты Кубы. С середины 1920-х годов в условиях резкого «закручивания гаек» и политических репрессий он стал своеобразным островком вольнодумства и свободолюбия. Но считать всех студентов тогдашнего главного учебного заведения Кубы диссидентами и радикалами было бы неверно. В Гаванском университете учились отпрыски богатей и людей состоятельных, как, например, отец Фиделя. Ведь за обучение надо было платить большие деньги. Для детей рабочих и крестьян не то что высшее, среднее образование было недоступно.

Гаванский университет является одним из старейших вузов Западного полушария. Он был основан в 1728 году по указу папы Иннокентия XV как Королевский католический университет святого Иеронима. В 1842 году был реорганизован и переименован в Королевский университет гуманитарных наук. В 1871 году университет закрылся. А в 1883 году, когда был построен комплекс университетских зданий, открылся вновь и получил название Гаванского университета. К моменту окончания испанского владычества на Кубе, в 1898 году, университет имел пять факультетов: естественных наук, фармацевтический, медицинский, философии и литературы, права. В 1930 году, из-за политических волнений на Кубе и участия в них студентов, университет, по распоряжению тогдашнего кубинского диктатора Мачадо, закрылся опять – на этот раз на три года.

Когда в Гаванский университет поступил Фидель Кастро, там было одиннадцать факультетов: философии и литературы, сельскохозяйственный, с особым уклоном на «обучение переработке сахарного тростника», строительный, архитектурный, медицинский, фармацевтический, одонтологический, ветеринарный, естественных наук, педагогический, государственного права. На этот факультет, также именуемый юридическим, и поступил 19-летний Фидель Кастро осенью 1945 года.

Студенты именно юридического факультета слыли самыми продвинутыми и прогрессивно мыслящими молодыми кубинцами, готовыми противостоять режиму политических репрессий в стране.

В 1922 году в Гаванском университете произошли первые волнения. Во время студенческой конференции выступавшие, среди которых выделялся девятнадцатилетний Хулио Антонио Мелья, говорили о необходимости реформы образования и предоставлении университету автономии от правительства, об обострившихся на Кубе социальных проблемах. Основным лейтмотив их речей сводился к тому, что причиной всех бед и проблем в стране является политический строй – фактическая диктатура, поддерживаемая неокOLONIZаторами. Многие преподаватели разделяли тревоги студентов. Один из профессоров прямо заявил, что «студенческие волнения – это следствие коррупции и мошенничества за стенами университета». Окружение тогдашнего президента Кубы Альфреда Сайаса-Альфонсо решило принять меры против смутьянов.

Студенты, узнав, что их альма-матер могут закрыть, соорудили баррикады у входа в комплекс университетских зданий. Отряды полиции готовились к штурму. Однако в последний момент, во многом благодаря упорству студентов и преподавателей, не желавших покидать университет, правительство Кубы пошло на компромисс. Оно предложило администрации университета начать переговоры со студентами с тем, чтобы удовлетворить их требования. А кубинские конгрессмены приступили к подготовке законопроекта о предоставлении Гаванскому университету автономии.

Однако это был отвлекающий маневр властей. Когда студенческие волнения стихли, а конфликтующие стороны уже были готовы сесть за стол переговоров, на пост ректора университета был назначен Хосе Антолин дель Куэто. Он имел репутацию «человека властей» и был известен своими консервативными взглядами. Узнав об этом назначении, студенты собрались на митинг и потребовали немедленной отставки Антолина дель Куэто. «Хулио Антонио Мелья – в ректоры!» – скандировали молодые люди.

Правительство в ответ предложило создать комиссию из преподавателей и студентов, которая должна была бы подготовить предложения по реформированию к концу учебного года. На самом деле правительство хотело отвлечь студентов от участия в политической борьбе. Дело в том, что на одном из стихийных митингов они выдвинули совершенно не «студенческие требования», приняли резолюцию с резким осуждением политики США по отношению к Кубе и другим странам Латинской Америки, территория которых или ее часть (Пуэрто-Рико, Мексика, Панама) была фактически оккупирована или захвачена Соединенными Штатами. После митинга лидер студенческих активистов Хулио Антонио Мелья был жестоко избит полицией. Позже он сказал журналистам: «Народ Кубы, видимо, понял смысл нашей социальной системы, которая обращается с гражданами как с рабами или рабочим скотом».

Мелья предложил созвать в октябре 1923 года первый конгресс студентов Кубы. На нем присутствовало 128 делегатов от 53 учебных заведений, а председательствовал на собрании 19-летний Мелья. Опасения правительства подтвердились. Разговор на конгрессе вышел за рамки обсуждения вопросов административной реформы вуза. Студенты все резче критиковали сложившийся в стране режим, приняли несколько резолюций, в частности, осуждающие поправку Платта, «существующий на Кубе международный капитализм». А настоящий взрыв негодования властей вызвала резолюция, в которой содержалось требование признать... «Социалистическую республику Соединенных штатов России». Кубинские студенты хотя и не смогли дать точного определения далекой страны из Восточного полушария, но были наслышаны о тех переменах, которые происходили в большевистской России. Тогда власти объявили о роспуске конгресса.

Но не зря в первых рядах активистов студенческого движения были именно юристы. Они создали комиссию, которая доказала, что декрет президента страны о роспуске вузовского конгресса и запрете на проведение публичных мероприятий является неконституционным и студенческое собрание вправе продолжить свою работу. Впоследствии Фидель Кастро, будучи сам студентом факультета права Гаванского университета, путем умело выстроенной юридической защиты, будет неоднократно «разбивать» неконституционные и противоречащие законодательству «доводы» приспешников Батисты как в статьях, так и в публичных выступлениях.

Хулио Антонио Мелья и Фиделя Кастро объединяла не только учеба на факультете права, но и любовь к национальному герою Кубы Хосе Марти. На том самом первом студенческом конгрессе Мелья предложил создать Народный университет имени Хосе Марти, который должен был стать центром вечернего обучения малообразованных рабочих. Мелья стоял у истоков создания в 1925 году Коммунистической партии Кубы. Вместе с единомышленниками он издавал журнал «Хувентуд» («Молодежь»), где печатались статьи леворадикального толка. После опубликования своей статьи «Мачадо – тропический Муссолини» о вступлении Херардо Мачадо в должность президента Кубы Мелья был вынужден эмигрировать в Мексику, где в качестве юриста Национальной крестьянской лиги отстаивал интересы крестьян, выступавших за проведение аграрной реформы, разоблачал диктаторский режим Херардо Мачадо на Кубе. Мелья создал в Мексике Ассоциацию новых революционных кубинских эмигрантов, издавал газету «Свободная Куба», вынашивая, как Хосе Марти, идею вооруженного свержения режима Мачадо.

То, что не удалось ни Марти, ни Мелья, убитому в возрасте 26 лет в Мехико 10 января 1929 года двумя агентами мацадговской полиции, осуществит Фидель Кастро. Спустя менее чем три десятилетия он начнет борьбу с новым, еще более жестоким диктаторским режимом.

В ноябре 2005 года ЦРУ, на основании анализа телевизионных записей и консультаций с американскими светилами медицины, подготовит секретный доклад. В нем утверждается, что уже на протяжении нескольких лет Фидель страдает тяжелой формой болезни Паркинсона. Спустя несколько дней, после утечки информации из ЦРУ в американские СМИ, Фидель Кастро придет в альма-матер. В Гаванском университете 17 ноября 2005 года в полном разгаре торжества по случаю 60-летия поступления в этот вуз Фиделя. Команданте поднимается на сцену в главной аудитории и в течение пяти часов без перерыва, стоя (!), выступает перед преподавателями и студентами. Он много шутит по поводу своей «тяжелой болезни». Иронизирует над теми, кто думает, что после его смерти кубинская революция закончится.

Обстановка на Кубе первых послевоенных лет ничуть не отличалась от времен, когда в стенах Гаванского университета начались волнения молодежи под руководством Хулио Антонио Мелья. В 1944 году покинул Кубу и уехал в США, в Майами, где он окончательно сблизился с американской мафией, правивший на острове с 1940 года лидер «заговора сержантов» 1933 года Фульхенсио Батиста⁴⁷. Согласно новой Конституции Кубы 1940 года, он мог выдвинуть свою кандидатуру на выборах президента страны лишь через восемь лет. Именно Батиста станет главным врагом Фиделя в 1950-е годы, установив поистине беспросветный для простого человека режим. Но об этом речь позже.

В 1944 году на очередной президентский срок на Кубе был совершенно неожиданно для многих избран бывший союзник, а теперь лидер оппозиции Батисте, профессор медицинских наук Гаванского университета Рамон Грау Сан-Мартин. Он победил сторонника Батисты, тогдашнего кубинского премьер-министра Карлоса Саладригаса. Саладригас был особенно непопулярен среди женщин, так как, в бытность премьер-министром, он, чтобы расстаться с не дававшей ему развода надоедливой женой, провел в парламенте «Закон об одностороннем разводе на Кубе». Вот такая характеристика Саладригасу давалась в разведывательном сообщении, посланном из Гаваны в Москву в конце 1943 года: «На сегодня есть один кандидат – член демократической партии Салад-ригас. Ему оказывают поддержку все группы, являющиеся сторонниками Батисты. Братская компартия также решила отдать все свои голоса ему, предупредив его о том, что он будет неуклонно проводить в жизнь конституцию страны.

Саладригас является ближайшим соратником Батисты и находится под полным его влиянием. Считают, что вся его работа, если он будет президентом, будет проходить под руководством Батисты, который сохранит за собой руководство вооруженными силами.

О Батисте следует сказать, что он пользуется большой популярностью своими демократическими действиями. Хотя его демократические действия не помешали ему «скопить» за три года 20 миллионов долларов чистенького капиталыца за счет казны»⁴⁸.

Накануне выборов правительство Саладригаса допустило глупейшую и грубейшую ошибку. Аккурат перед голосованием оно, по неизвестной причине, прекратило снабжать население продовольствием – мясом, молоком, маслом. В итоге Карлос Саладригас вчистую проиграл эту схватку популисту Грау Сан-Мартину, который шел на свои вторые в карьере выборы президента под лозунгом «Куба для кубинцев». Батиста, который в день выборов заявил: «Народ, я с вами и в любую минуту готов к вашим услугам», не помешал избранию Грау, потому что хотел создать себе славу человека, обеспечившего «свободные выборы». Действительно, и Грау, и американская пресса назвали эти выборы 1944 года «самыми честными и справедливыми в истории Кубы». Во время инаугурации 4 июня 1944 года Грау заявил, что

---

⁴⁷ Куба. М., 1979.

⁴⁸ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

его основная задача – борьба против коммунизма. Это вызвало волну возмущения в стране, и Грау сменил тон выступлений, обещая добиваться прежде всего национального единения.

Грау Сан–Мартин и Батиста были злейшими врагами. Именно из–за «заговора сержантов», возглавляемого бывшим сержантом–стенографистом Батистой, Грау был вынужден уйти со своего поста в 1933 году. Теперь он взял реванш и вроде бы получил сатисфакцию. Тем не менее до Грау доходили разговоры о том, что в высших военных кругах Кубы готовится переворот, цель которого снова объявить военную диктатуру, убрать Грау и провести на новых выборах в президенты Батисту. В июне был снят с поста начальника полиции и генерального инспектора армии и выслан в Майами генерал Мануэль Бенитес. Официальная версия гласила, что Бенитес замыслил переворот с целью объявить себя президентом Кубы. Между тем неофициально получила распространение версия о том, что Бенитес готовил этот переворот для Батисты, личным другом которого он являлся много лет.

Физиолог Грау Сан–Мартин был основателем и лидером так называемых «аутентиков» – Кубинской революционной партии (КРП). В 1944 году ему удалось сыграть на чувствах электората, уставшего от власти военных, и понравиться избирателям прежде всего хорошо поставленной речью и манерами. Однако вскоре кубинцы поняли, что к власти пришел обычный демагог. В декабре 1944 года в донесении советской резидентуры в Гаване отмечалось следующее: «Правительству Грау грозит политический кризис, признаки которого усиливаются. После Мачадо Куба не знала столь реакционного правительства, как кабинет Грау. Становится ясно, что президент не в состоянии выполнить обещаний, которые он дал народу в период выборной кампании. Действительность разоблачает всю демагогию граусистов. Вместо улучшения экономического положения наблюдаются перебои в снабжении хлебом, углем и другими продуктами, повышается квартирная плата. Грау уволил с постов в правительстве ряд известных деловых людей. Аутентики (члены партии Грау. – М. М.) сотнями просят о назначении на пост шефа не менее <...> Среди членов правительства наблюдаются страх и растерянность <...> Часть военных бежала в Мексику, где они якобы будут ждать приезда Батисты»⁴⁹.

Первые два года президентства Грау прошли под знаком его политической борьбы с парламентом, большинство в котором пока что составляли сторонники прежнего президента. И лишь в 1946 году «аутентики» получили большинство мест в обеих палатах парламента.

Грау оказался слабовольным политиком – зависимым от американцев и бессильным перед мафиозными группировками, рвавшимися во власть. Именно при Грау Сан–Мартине на Кубе начали процветать казино и бордели, коррупция и подкуп пронизали все общество. Уровень казнокрадства и расхищения превысил все мыслимые размеры. Удивительно, что на этом фоне из года в год экономика Кубы набирала темпы. Но объясняется это во многом тем, что в 1940–х годах под контролем американских компаний оказалась вся горнодобывающая промышленность Кубы, все предприятия по выработке электроэнергии, средства коммуникации и три четверти предприятий сахарной отрасли. Не меньшую роль в этом сыграло и то, что именно в эти годы янки «обрушили» на Кубу целый вал капиталовложений, фактически парализовав самостоятельное развитие экономики этой страны. Фидель как–то метко заметил, что на Кубе тех лет существовала еще одна религия – религия уважения и благодарности по отношению к Соединенным Штатам.

«Чистка государственного аппарата» по Грау свелась к избавлению от большей части военных, сторонников Батисты. Но самое главное состояло в том, что с началом холодной войны и охоты на ведьм в США на Кубе, следовавшей в «американском фарватере», начались нападки на инакомыслящих, левых и особенно коммунистов. Слово «коммунист» стало самым страшным ярлыком и ругательством в кубинском политическом лексиконе тех лет. Социалисты и коммунисты на Кубе во второй половине 1940–х годов, несмотря на то, что сумели укре-

⁴⁹ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

питься в рабочем движении, были фактически изолированы от общества. Официальная пропаганда представляла их чуть ли не главными врагами человечества и религии.

После окончания Второй мировой войны вслед за США и Великобританией резко изменило свое отношение к СССР и кубинское правительство. С антисоветскими заявлениями стали выступать видные государственные деятели Кубы. А в разгар холодной войны на Кубе по отношению к Советскому Союзу был совершен ряд провокационных актов. В январе 1947 года в одном из залов фотовыставки «Москва – столица СССР» некий Гонсалес пытался подложить бомбу, но был задержан. 21 августа 1947 года неизвестные попытались бросить бомбу в здание советской миссии на Кубе, но она разорвалась на каменной ограде миссии. 20 апреля 1948 года неизвестные лица с проезжавшей машины обстреляли здание советской миссии. 17 августа того же года во двор миссии была брошена бутылка с зажигательной смесью, вызвавшая пожар на веранде здания. Когда сотрудники миссии пытались потушить пожар, они подверглись обстрелу. Несмотря на неоднократные протесты советского дипломатического представительства, никаких мер для наказания виновных кубинскими властями не принималось.

На Кубе, как и в США, и в западноевропейских странах, началась так называемая «охота на ведьм», то есть на граждан, имевших левые взгляды. Вот что сообщал об этом в 1945 году источник советской разведки в Москву: «<...>сек-ретная служба американского посольства на Кубе наняла к себе на службу известного кубинского криминалиста и совместно с ним составляет списки на всех членов и лиц сочувствующих братской (кубинской компартии). – М. М.). Предполагается, что такая работа проводится во всех странах Южной Америки»⁵⁰.

Возглавляемая новым президентом Кубинская революционная партия стала отступать от революционных идеалов. К парламентским и президентским выборам 1948 года в КРП произойдет раскол, и из ее рядов выйдет группа во главе с популярным в народе сенатором Эдуардо («Эдди») Чибасом, так называемые «ортодоксы». Они создадут Партию кубинского народа (ПКН), в ряды которой позже вступит и Фидель Кастро.

На первом курсе университета Кастро был избран в руководящий комитет студенческой организации факультета государственного права. В 1946 году он получил 181 голос «за» и 33 «против» на выборах в состав студенческого актива. А вскоре он стал старостой курса.

Укреплению его личного авторитета среди студентов способствовали не только врожденные качества лидера, невероятная энергичность, неподражаемое красноречие и эрудиция (книги он буквально поглощал), но и великолепные данные. Правда, некоторые высокомерные студенты называли его гуахиرو – крестьянин, потому что он был выходцем из Бирана.

Фидель стал членом баскетбольной и бейсбольной команд факультета, а потом и всего университета. В бейсбольной команде Фиделя определили на ответственную позицию питчера – подающего. Питчер должен бросить мяч в сторону своего принимающего так, чтобы соперник не отбил его по пути своей битой. Вот почему эту роль отдают игроку мыслящему и нестандартному, который способен угадать, уловить действие отбивающего соперника. Идеальный игрок на этой позиции должен иметь рост больше 180 сантиметров и сильные руки. Все эти качества снискали Фиделю внимание представительниц слабого пола.

И хотя его мятежный, бунтарский дух еще не «обрел пристанища» – политическое мировоззрение еще не сформировалось, уже в первые месяцы учебы в университете определились его идеологические пристрастия. «Если в тебе есть черты бунтаря, если у тебя есть определенные этические нормы и ты обнаруживаешь идеи, которые тебе все прояснят – как те, что помогли мне понять мир и общество, в котором я жил, которое видел вокруг, – как не ощутить воздействия настоящего политического откровения»⁵¹, – позже говорил он о годах своей молодости.

---

⁵⁰ Из архива СВР России, Гавана—Москва.

⁵¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 155.

Именно в университете началась эволюция взглядов Фиделя, которая будет продолжаться на протяжении всей его жизни, вплоть до зрелого возраста. Когда он поднимет свое первое восстание, а позже станет во главе новой революционной Кубы, когда будет ломать устой старого несправедливого общества и учить свой народ жить по справедливости. Когда после распада СССР Куба останется фактически один на один с окружающим миром.

Таким образом, если главный нравственный выбор Фиделя Кастро – борьба с любой формой несправедливости и унижения человека – был сделан им еще в школьные годы, то во время обучения в Гаванском университете он сделал свой мировоззренческий и политический выбор. Происходило это по мере знакомства с марксистской литературой. Именно она объяснила Фиделю Кастро многие процессы, происходящие в обществе. «Довольно быстро я стал превращаться в человека, которого называли утопичным коммунистом, – рассказывал Кастро. – И именно в этом университете я стал революционером, так как мне попались соответствующие книги. Но даже до их прочтения я интересовался капиталистической экономикой, и она мне казалась иррациональной. На первом курсе моим преподавателем по экономике был профессор Портель. Он был очень требовательным и заставлял нас учить именно его предмет. Мне повезло. На устном экзамене я ответил без запинки и получил довольно высокую квалификацию по предмету политическая экономия. Чем больше я занимался политической экономией, изучая капитализм, тем больше у меня возникали сомнения в правильности его сущности»⁵².

На самом деле строгий «буржуазный» преподаватель Портель оказал неоценимую услугу делу революции. Когда Кастро познакомился с основами политэкономии, марксистским учением, он начал вырабатывать собственные идеи по изменению общества.

«Это была такая политическая экономия, которая преподавалась молодежи от буржуазии, – рассказывал Кастро. – Уже тогда я стал задавать себе много вопросов. Я сам по себе своим умом пришел к заключению, что капиталистическая экономика была абсурдной. Еще до моего знакомства с материалами марксизма–ленинизма я превратился в утопического коммуниста, такого человека, который не является частью какого–то социального или политического движения, но которому кажутся несправедливыми: неравенство, нищета, непреодолимые противоречия между обществом и развитием. Для осмысления моего политического кредо мне очень помогла моя собственная жизнь, которую я уже прожил к тому времени, и жизнь других, окружавшая меня. Когда мне говорили о кризисе перепроизводства, безработице и других проблемах, я сразу понимал, что эта система неспособна решить данные проблемы <... >

Одним из первых материалов Маркса, которые я прочитал, был «Коммунистический манифест». На меня он произвел большое впечатление. Я начал понимать и находить объяснение многим вещам. Ведь я родился в семье землевладельца, меня окружали другие землевладельцы. Позже я испытал на собственной шкуре, что такое империализм, угнетение, коррупция, репрессивные правительства»⁵³.

Здесь необходимо сделать одно весьма важное уточнение. Фидель, приезжая в родной Биран на каникулы и, кстати, привозя туда из Гаваны мячи и комплекты спортивной формы, купленные на свои деньги для бедных друзей детства, попадал в «капиталистическое» имение отца, где, образно говоря, на практике мог проверять истинность марксистской теории. Именно в Биране впервые и произошел у Фиделя своеобразный внутренний конфликт – между семейными привязанностями и формирующимся мировоззрением. Безусловно, почти все бедняки в Биране искренне любили дону Анхеля и его сына Фиделя, потому что они никогда не отказывали обездоленным. Но в соседних землевладениях, принадлежавших североамериканским компаниям, социальные проблемы рабочих и тем более их личные просьбы о помощи не при-

⁵² Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

⁵³ Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

нимались во внимание. Фиделя тяготы беспросветного существования бедных, а не семейные проблемы волновали с каждым годом все больше.

После победы революции Фидель назовет умершего к тому времени отца «эксплуататором и землевладельцем». Показательно передаст одним из первых в государственное пользование имение в Биране. Остается догадываться, как бы отреагировал на это сам Анхель Кастро Архиз, которому Фидель всецело обязан возможностью получить образование в колледжах и Гаванском университете и, по логике вещей, революционным мировоззрением.

Некоторые авторы приклеивают к Фиделю ярлык яркого коммуниста. Складывается впечатление, что коммунистом тот чуть ли не родился и уже с детских лет боролся с «эксплуатацией и буржуазией». Между тем первый съезд кубинской компартии, на котором Кастро стал ее генеральным секретарем, состоялся лишь в 1975 году, спустя целых шестнадцать лет после победы кубинской революции. А сам он впервые признался, что имеет коммунистические убеждения, только в ноябре 1960 года – до этого его политическая ориентация оставалась загадкой даже для соратников.

Точнее будет сказать, что он всегда был бунтарем. А каждое из проявлений бунтарства – антиколониализм, коммунистические убеждения, ярко выраженный антиамериканизм – выходило на первый план в разные периоды жизни.

Вспоминая о своих студенческих годах, Кастро не случайно уточняет, что в то время он был «утопичным коммунистом». «Утопичность» мировоззрения Фиделя заключалась в том, что он ненавидел любую, в том числе социальную, форму несправедливости. Но у него не было «марксистского» понимания того, как с ней бороться.

«Коммунистический манифест» Маркса понравился ему не из-за своей «агитационности или идейности», а, как он сам говорил позже, «в силу простоты, ясности, той прямой формы, в которой дается объяснение нашего мира и нашего общества»⁵⁴

---

⁵⁴ Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 61.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.